

Розалия Степанчук

Крутые горки бытия

Розалия Степанчук
Крутые горки бытия

«Издательские решения»

Степанчук Р.

Крутые горки бытия / Р. Степанчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504305-4

После знакомства с рассказами автора многие читатели не раз испытают «радость узнавания» жизненных передраг, испытаний, с которыми сталкивает человека Жизнь. «Все мы странники по жизни. И каждый из нас, опираясь на свой посох, несёт свой крест. Посох — это то, что помогает жить и греет душу. А крест — это кара за грехи наши, вольные и невольные. От всей души желаю всем людям, чтобы крест не был слишком тяжким, а посох был крепким и нерушимым, как Вера, Надежда и любовь. Ваша Р. Степанчук»

ISBN 978-5-00-504305-4

© Степанчук Р.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	7
ВАЛЮШКА	7
ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ	10
КРУТЫЕ ГОРКИ БЫТИЯ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Крутые горки бытия

Розалия Степанчук

© Розалия Степанчук, 2019

ISBN 978-5-0050-4305-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Идея «Фикс» автора – в преданности теме отношений женщины и мужчины, теме семьи и человека, в столкновении с житейскими обстоятельствами и проблемами. Читателю представлены – и безоглядная, жертвенная любовь, и предательство и поиск мечты и её обретение.

Читатель не всегда может согласиться с героями рассказа – в одних он может сопереживать героям, в других негодовать и осуждать их. Но главное – эти рассказы не оставляют его равнодушным, заставляют задуматься, при этом представлена и авторская позиция, что «несмотря на все жизненные неурядицы и пертурбации жизнь прекрасна своей непредсказуемостью, возможностью преодолевать трудности, радоваться новому дню».

Рассказы Р. Степанчук создают некую жизненную картину, где автор как бы вращает многогранник Жизни и каждый рассказ – это как одна его грань. А в целом получается фигура. Читателю может быть и грустно и весело, чему способствует ненавязчивый юмор. В представленных рассказах присутствует и «драматический накал», ведущий читателя за повествованием.

*Касатов А. П. доцент кафедры общей психологии УрФУ,
Кандидат психологических наук*

Рассказы

ВАЛЮШКА

– Дядя Максим, а ты любишь тётю Валю?

– «Откуда мне знать, что за любовь такая? Живём, да и всё. Придумают же люди – любовь. А сами сходятся за ради свадьбы, покрасоваться на людях, и расходятся через год или месяц. Только родителей в расходы вводят»

– « А расскажи, как вы с тётей Валею встретились?»

– « Да как! Как все. Был я на уборочной в соседнем селе со своим трактором. Напахался, пыли наглотался, на солнце прожарился. Одежда так просолилась, что спину царапает. Пить хочется, да вода, кончилась. Открыл кабину, ноги свесил, сижу, отдыхаю. И тут виденье мне – идёт девка молодая, ногами едва земли касается, прозрачная и светлая вся, в лучах-то солнца.

Сердце моё, как будто оторвалось, и ушло в пятки. Господи! Краса-то какая! А она подходит и спрашивает: «Что, Максимушка, небось, попить хочешь? На воды, попей с устатку», и подаёт мне ведро с ковшиком. Воды там с пол – ведёрка. Умылся, напился. Пригляделся получше, а это девица живая – но вся такая необыкновенная, что дух захватывает. Это и была моя Валентина. Слышишь, имя-то какое, Ва – лен-тина! Спросил я её: « А как ты меня знаешь?» Она отвечает: «Да кто ж тебя не знает? Один ты у нас тракторист» – и улыбается, а я, глаз от неё оторвать не могу. Улыбка у неё такая, что вместе с губами всё лицо улыбается, особенно глаза. А она стоит и смотрит на меня – пыльного, грязного, потного, и старый свитер на мне с оторванной шеей, чтобы не так жарко было. Смутился я, завёл трактор – да в поле. Оглянулся – пошла она с поля, а мне показалось – сердце из меня вынула и с собой унесла.

А как уборка закончилась, пришёл я в клуб, и увидел её. И так мне радостно стало, и сказать не могу. Она тоже меня увидела, застеснялась, глаза опустила. Подошёл я к ней, сказал, ну, здравствуй, Валентина, помнишь ли меня? А она засмеялась тихонько: «Ты, как умылся, совсем другой стал, но и тогда хорош был», и смотрит прямо мне в душу. «Так может, пойдём, погуляем?» А она и говорит: «Что ты, Максимушка, я ведь замужем, какие уж тут прогулки». Ноги мои, будто ватные стали. Знаю, что отойти от неё надо, люди кругом, что о ней злые языки говорить станут? И она это понимает, отвернулась от меня, но не отошла. Пересилил я себя, и ушёл, не попрощавшись. Мало ли баб на свете, думал я, и до неё были, и после неё будут – найдётся и мне такое чудо из чудес.

До осенней вспашки было ещё время, и уехал я сюда, в родное село. Я тогда с матерью своей жил. В деревне всегда работы непочатый край – матери надо было помочь. Работал, не покладая рук, а в сердце, как заноза застряла. Всё вспоминаю, как она смотрела на меня, как улыбалась, голос её слышу, во сне её вижу. Наваждение какое-то. Придётся наверно в другие края податься. Уеду, куда подальше, только как мамку оставить одну? Сидим как-то мы с ней, чай пьём, она и говорит: «Женился бы ты, сынок, уж 28 годков тебе. Оглянись кругом, девок-то полно. Ты парень видный, любая за тебя пойдёт. И я совсем старая становлюсь. Гляди, помру, и внучат понянчить не успею» – «Да, на ком жениться-то, девок много, да ни к кому душа не лежит».

Послала меня как-то мать в райцентр в хозяйственный магазин. Захожу туда, и вижу красу свою ненаглядную. Ноги к земле приросли, забыл, зачем и пришёл. А в мозгу бьётся – не моя она, не моя! Муж у неё есть. А ноги от пола оторвались и к ней понесли. А она сидит, улыбается, и говорит: «Пойдём отсюда, Максимушка, поговорим, о том, о, сём». Ну и пошли сами не знаем куда. Зашли в какой-то двор, сели на лавочку, и поговорили. Она старше меня на 3 года оказалась. Замужем 6 лет, а деток Бог не дал. Я тоже о себе рассказал. Так вот сидели

и разговаривали ни о чём, будто прощались. А расстаться не могли. Ну, сколько ни сиди, а расстаться придётся. Она первая встала, да и пошла своей дорогой, остался на душе моей тяжкий камень. Жениться что ли на хорошей девчонке, чем так голову морочить из-за чужой жены?

Скоро настало время для осенней вспашки, и поехал я опять в их село. Еду, и всё думаю, увижу или нет свою желанную. А она, в первый же день, пришла, моя родимая, ко мне на поле. Говорит: «Слава Богу! Насилу дождалась тебя!» Ну, тут уж я отбросил все сомнения, за неё только опасался. Да решили мы, как только вспашка под озимые закончится, уедем мы с ней к нам в деревню и поженимся. Но вышло всё по-другому.

Как-то под вечер, пришла она домой, а муж её озверел от водки и от ревности – люди добрые его просветили. Избил он её, сорвал одежду, схватил за волосы, и потащил её избитую и голую, к родителям. Притащил, бросил на пол, и кричит: «Вот вам ваша проститутка, забирайте её назад».

Валин отец на фронте погиб, её отчим воспитывал. Своих детей у него не было, и он любил Валюшку, как свою дочку. А тут, как увидел он такую картину, схватил топор и на зятя пошёл: «Ах ты, мразь, да ты и мизинца её не стоишь. Не сумел бабу так приласкать, чтобы на других не смотрела, так и пеняй на себя! Убирайся отсюда, и забудь сюда дорогу, клоп вонючий!»

Не ожидал Валин мужик такого отпора. Тесть – то его всегда спокойный и молчаливый был. Опомнился он, хмель с него слетел, сел он, где стоял, и заплакал. А мать, тем временем, подняла дочку, положила её на кровать, обтёрла с неё кровь, и, увидев, что с ней сделал зять, зарыдала, положив голову на дочкину кровать. Это мне потом Валюшка рассказала. А мужик вскочил, позвал с собой двоих приятелей, пришли ко мне на поле драться. Я тоже не из робких, и сколько мог, в долгу, не остался. Но их было трое дюжих мужиков, и они так отметелили меня, что остался я, лежать, без сознания.

Утром бригадир приехал в поле на мотоцикле с коляской, и отвёз меня в районную больницу. На другой день я пришёл в себя, и ко мне пришёл парень из милиции, расспросить, что да как. Предложил написать на мужика заявление, чтоб его посадили. Но я отказался, понимал свою вину – у меня – то тело болит, а у него – душа, а это ещё больнее. А через 10 дней пришла краса моя ненаглядная. Синяки уже сошли, а зелень и желтизна от них осталась. У меня дела похуже были, хорошо мужики постарались. Она это поняла, наклонилась ко мне, и заплакала. Слёзы её капали мне на грудь, как бальзам на сердце. Не плачь, душа моя, сказал я ей, прошли мы с тобой боевое крещение, теперь мы неразлучная пара, и нас водой не разольёшь.

Долго я пролежал в больнице, Валюшка за это время и развод успела взять. И синяки у неё полностью зажили. Мать ко мне тоже часто ходила, я их в больнице и познакомил. Не шибко мамке-то понравилось, что я на разведёнке жениться собрался, девок, мол, тебе мало. Да ещё мужик её всем хвастался, в каком виде притащил её к родителям. Позор-то какой! В деревне ни от кого секретов нет – вся жизнь на виду. А я, только посмеялся. Такой ненаглядной, как она, больше в природе нет, как нет, потому её мужик и бесится.

Переехала моя суженая к моей матери, меня дожидаться, и стала ей помогать по хозяйству. А хозяйка она – на загляденье, всё в руках у неё горит. Проворная да умелая. Избу нашу в нарядный терем превратила. Мать-то глядит на сноху, и не нарадуется, а та ей мамой звать стала. Так вместе и дождались меня, и жили они уже душа в душу.

Пошли мы с Валюшкой в ЗАГС и расписались. Через 9 месяцев сынок у нас родился, а через два годочка и другой. Успела мамка моя с внуками понынчиться, да не долго. Пять лет всего пожила она с нами, и померла, царство ей небесное.

Так и прожили мы с Валюшкой жизнь. Дети выросли, разлетелись кто куда, только в гости приезжают, да внуков на лето привозят. Только и к нам беда пришла – Валюшка моя серьёзно больна. И всё она переживает, что на хозяйство у неё сил теперь нет. А я всё думаю, пусть она ничего не делает, просто сидит, я сам всё сделаю, только бы она жила. Ни свадьбы у нас

не было, ни белого платья, потому, что она второй раз замуж выходила, а жить мы друг без друга и тогда не могли и теперь не можем. Жизнь-то у нас, видно одна на двоих – я всю жизнь жил для неё, а она – для меня, и укорачивать эту жизнь мне не хочется, потому, что без неё, без Валюшки моей, и моя жизнь кончится. Не нагляделся я ещё на красу свою светлую.

Вот, и думай сама, любовь это или не любовь.

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Павел

Он очнулся на рассвете от холода. Лёжа на боку, не открывая глаз и боясь пошевелиться, он пытался разобраться в своих ощущениях. Самое отчётливое из них – боль.

У него болело всё: руки и ноги, спина, голова и грудь. Ему было трудно дышать, правая рука плохо слушалась его. Малейшее движение левой руки причиняло нестерпимую боль. Ног он совсем не чувствовал. Потом он ощутил дурманящий аромат зрелой травы и речной сырости и понял, что лежит на траве, а рядом журчит вода. Набравшись сил, преодолевая боль, мужчина ощупал своё лицо и голову. Он обнаружил рану чуть выше лба с левой стороны головы. Кровь из раны натекла на глаз, закрыв его полностью, и загустела. Второй глаз так оплыл, что видел только через щёлку.

Осторожно перекатившись на живот, он полежал, справляясь с болью и тошнотой, потом вытянул руку в сторону журчащей воды. Она была совсем рядом. От неё, вместе с паром, исходило тепло. Подтянув тело к самой воде, он опустил руки в журчащий поток, и лежал так, отдыхая. Прохладная вода смыла с рук грязь и кровь. Одной рукой он умыл лицо, смыв сгусток крови. Потом, зачерпывая воду той же рукой, попил, при этом, облив грудь. Мужчина обнаружил, что тело его прикрыто только рваной и грязной футболкой, шортами, а ноги босы. Подул предутренний ветерок, и он почувствовал, что его снова знобит. Медленно повернув голову, в рассветных сумерках, он увидел невысокую насыпь и небольшой мост. Подчиняясь скорее инстинкту, чем собственной воле, он медленно подтягивал тело, опираясь на правую руку, к опорам моста. Ползти пришлось в гору, при этом, сдирая кожу на локте, животе и коленях о колючие камешки с насыпи. Спрятавшись там от ветра, он тут же погрузился в беспамятство.

Там было тихо, ветерок пролетал мимо, не беспокоя раненого, но грохот проходящих составов, раскалывал голову, и он обхватывал её рукой, боясь задеть рану. Потом снова проваливался в чёрную яму небытия.

Он не знал, сколько времени пролежал под мостом, тот ли самый это был день или другой. Очнулся, когда день начал клониться к вечеру. С реки напоздали сырость и туман. Кругом было тихо. Тело его затекло в одном положении, горло пересохло от жажды, но чувствуя сильную боль во всём теле и головокружение, он не решался ни сесть, ни перевернуться на спину, опасаясь снова потерять сознание. А потом понял, что просто не может сообразить, как это сделать, и, продолжая лежать на животе, пополз к воде, надеясь, хотя бы утолить жажду, но совсем немного не дополз, потеряв сознание.

Здесь его и обнаружили путейцы.

– Гляньте, мужики! Не то жмурик лежит, не то пьяный валяется. Поглядим?

Самый молодой из них легко сбежал по откосу к речке, и, увидев, что мужчина жив, крикнул бригадиру:

– Он жив, Петрович! Весь ободраный, в кровище, башка пробита. Вызывай дрезину.

Вниз спустились ещё двое, и они потихоньку потащили свою находку к путям. От резкой боли раненый очнулся и застонал.

– Сейчас, сейчас! Потерпи! Поедешь в больницу, там тебя починят.

Когда его положили на дрезину, бригадир наклонился и спросил:

– Тебя зовут-то как? – Ответа не последовало. Тогда бригадир спросил:

– Как ты сюда попал, помнишь? – Мужчина, глядя в никуда, снова не отреагировал на вопрос. Он слышал только, что кто-то бубнит, но разобрать, о чём речь, не мог. А потом и вовсе отключился.

Скорая помощь уже ждала их на станции. Незнакомца осторожно погрузили на носилки, и отвезли в областную травматологию. Очнулся он уже в палате – чистый, весь в бинтах, подключённый к различным аппаратам.

Знакомые звуки прорезали туман в его сознании, как луч солнца прорезает тучи, касаясь земли. Кто-то мыл пол шваброй, шаркая тряпкой. Вернулись и другие реальные ощущения, не вернулись только память и речь. Спала последняя пелена тумана, окутывавшая его мозг, и всё его тело напряглось – он не хотел умирать! И это было главное.

На следующее утро с обходом пришли врач и медсестра, раненый услышал их разговор и понял его, но когда его спросили о самочувствии, он не смог ответить – его речевой аппарат не желал ему подчиняться. Он услышал, что у него серьёзная травма головы, вывих плечевого сустава левой руки и травмы ног различной тяжести, не считая множественных ушибов, и потери крови. В крови его был обнаружен сильный наркотик.

На следующий день к нему пришёл парень из милиции. Но он так ничего и не узнал у раненого. Тот пытался ему что-то сказать, но только с трудом произносил обрывки слов. Тогда ему дали бумагу и вложили в руку карандаш, но он понял, что разучился писать. Да ему и писать-то было нечего, он ничего о себе не помнил.

Наутро опять пришла санитарка. Она ещё не закончила уборку, как явилась медсестра с капельницей. Санитарка спросила:

– А что, Оксана, этот глухонемой таким и останется? Жалко мужика, ещё совсем молодой.

– Да нет! Врач сказал, что травма головы не будет иметь тяжёлых последствий, но лечиться придётся долго, чтобы все функции мозга восстановились. Вот залечим ему травмы тела, а потом переведём нашего найдёныша в неврологию. Может, там и узнают, кто он такой.

Он сильно устал от их болтовни, и вздохнул с облегчением, когда женщины ушли. Смутные опасения таились в его душе, и отчасти, сам не зная почему, он не рад был, что услышал и понял этот разговор. Он почувствовал, как солёный ком слёз подступает к горлу от жалости к себе, но сжал зубы, и решил не распускать нюни. Потом на него снова навалилась апатия, и ему стало всё равно, что с ним будет дальше.

И пошла череда ночей, томительных и бессонных, полных страданий и мучительных попыток вспомнить хотя бы своё имя, и сожалений, что это пока невозможно. И дней, полных боли, уколов, перевязок, обходов и всего прочего, что получает пациент в больнице.

Он терпеливо восстанавливал свои силы, словно ящерица хвост, оторванный сорванцами. Спустя месяц его перевели в неврологическое отделение, там освободилось место. Травмы тела были ещё не совсем долечены, но его психика требовала тщательного обследования и лечения. В неврологии его положили в отдельный бокс, и он был рад этому.

После сеансов психотерапии он стал видеть разные сны. Однажды ему приснилось, что он лежит в кровати, над ним склонилась женщина, которая напевала ласковую песенку:

– Спи, мой Павлик маленький,

Спи, цветочек аленький.

Мама тоже будет спать,

Будет глазки закрывать.

Он проснулся, и понял, что это была его давно умершая мать. Она называла его Павликом! Значит, его имя Павел! Мама помогала ему и с того света.

Занятия с логопедом тоже увенчались успехом. Павел научился произносить отдельные слова, сначала невнятно, а потом вполне сносно. Теперь он был уверен, что речь вернётся к нему.

Однажды психоневролог спросил Павла:

– А Вам не кажется странным, что за эти полгода Вас никто не разыскал? Вам приблизительно 35 – 40 лет. У Вас наверняка была семья, дети. Вы не похожи на бомжа, значит, Вы работали, у Вас были друзья.

– Я пытаюсь. Не получается. Только имя.

– Не волнуйтесь, память к Вам вернётся. Надо только чуть-чуть подтолкнуть её.

Павел устал. В сопровождении медсестры он с трудом доплёлся до палаты, рухнул на кровать и сразу уснул. К нему сразу пришёл сон-воспоминание.

В вагоне было жарко. Открытые окна добавляли только пыли и грязи, но не освежали распаренных пассажиров. Летнее солнце превратило вагон в жаровню. Вентиляция, как всегда, была неисправна. Жутко пахло потом, перегаром и давно не стиранными мужскими носками.

Пассажирам этого вагона очень не повезло – в трёх последних купе плацкартного вагона и на половине боковушек, ехали бравые нефтяники после месячной вахты. Рядом с ними вертелись шустрые и приветливые жулики – каталы. Их задача обобрать до нитки незадачливых любителей лёгкой наживы. Основной заработок отправлен на карточку, но путь домой, для большинства из вахтовиков, не близкий, поэтому деньги на обратную дорогу и пропитание имеются у всех.

Спасение от удушья люди получали на длительных остановках, но их было немного. На кратковременных – проводники открывали двери тамбуров настежь, устраивая сквозняк.

Люди, в такой обстановке, вели себя по разному. Одни становились вялыми и безразличными. Другие – раздражались по самому незначительному поводу. Проводница, маленькая и полная женщина средних лет, ни во что не вмешивалась.

Павел лежит на верхней полке у открытого окна. Внизу напротив – молодая девушка, обмахиваясь журналом, страдальчески хмурит бровки. К ней подсел парень, пытаясь обнять её за плечи. Она, молча, начала отбиваться, отталкивая парня, но тот, не обращая внимания на её протесты, монотонно повторял:

– Пойдём со мной, девочка, выпьем, потусуемся, пойдём! Чего ты артачишься, строишь из себя... – И он грязно выругался.

– Оставьте меня в покое! Я Вас не знаю, и знать не хочу!

– Не знаешь, так узнаешь, это мы на раз!

Девушка умоляюще посмотрела на Павла, но он не собирался пока вмешиваться, ему не давали покоя свои переживания и заботы. Но тут парень схватил девушку за обе руки и потянул её за собой. Она закричала, и он ударил её по лицу. Закричала и женщина, соседка девушки. Парень на второй верхней полке крепко спал. Павлу пришлось вмешаться:

– Эй ты, отпусти девчонку, видишь, она не хочет с тобой идти!

Парень продолжал тащить упирающуюся девушку. Тогда Павел спрыгнул с полки. Одной рукой он подтолкнул девушку на место, другой – вытолкнул парня из купе, невольно взглянув ему в лицо.

Лицо его было узким и бледным, с острым подбородком, плотно сжатыми тонкими и сухими губами длинного рта, как у акулы, и пронзительно-чёрными щёлками глаз. Его злоба и агрессия волнами расходилась вокруг, передаваясь, словно заразная болезнь.

– Тебе, мужик, жить надоело? – Осведомился он неожиданно тихим медоточивым голосом:

– Сиди тихо, и не лезь, куда не просят, а то пожалеешь.

Но Павла, неожиданно для него самого, охватила дерзкая решимость приструнить наглеца. Они вышли в тамбур – Павел шёл впереди. И тут он почувствовал короткий, как укус змеи, укол на бедре.

Сумрачный серый тамбур вдруг закружился вокруг него, свиваясь петлями, выворачиваясь наизнанку. Перед глазами всё стало расплываться, стало крохотным, точно он смотрел издалека. Пол и потолок тамбура словно поменялись местами. Только глаза парня – чёрные,

жгучие, точно угли, притягивали, не отпуская его. Павел поднял руки к лицу, пытаясь защититься. Он зашатался, пытаясь совладать с чернотой, которая вот-вот уже грозила охватить его. Потом почувствовал сильный удар в голову, но боли не ощутил, и, молча, полетел в небытие...

К Павлу подошла медсестра, она с тревогой смотрела на него.

– Вам что-то приснилось? Может позвать врача? Вы что-то вспомнили? Расскажите мне, Вам станет легче.

– Я вспомнил человека, он хотел меня убить, – он удивился, что смог сказать целую фразу.

– Опишите мне его лицо, а я нарисую, я сумею. Зовите меня Галя.

Она и правда, хорошо рисовала. С его слов у неё получился довольно точный карандашный портрет злодея. Потом, с его же слов, нарисовала портреты девушки и проводницы. Боясь, что яркие впечатления от сна быстро исчезнут, как бывало не раз, он, торопясь, стараясь говорить чётче, попытался передать ей то, что с ним случилось в тот день. Она слушала и запоминала. Он изнемогал от напряжения, но, в то же время, ему казалось, что он сбросил с души уже второй камень из той глыбы беспамятства, что давила на него, не давая ему жить – своё имя и убийцу.

Он не смог вспомнить, откуда и куда ехал – это были вопросы для его будущего, но теперь точно знал, что имя его Павел, что он ехал в поезде, запомнил проводницу, бандита и девушку, которую он защитил. Галя добавила, что в больницу его доставили 1 августа, а теперь был конец февраля. Значит, он находится в больнице почти 7 месяцев.

После эйфории, вызванной воспоминаниями, его снова с головой накрыла депрессия. Он целыми днями лежал, отвернувшись к стене, и думал:

– Сколько я ещё пролежу здесь? А потом куда деваться? Ни крыши над головой, ни денег, ни документов, ни родных, ни знакомых. Одежды и обуви тоже нет.

К жизни его возвращали только медсестра Галя, её сменщица Кристина или санитарка, баба Зина.

Бабе Зине было под 60 лет. Всю жизнь она проработала в колхозе. Пенсия, которую ей назначили, прокормить её не могла. Как колхоз разорили, она продала свой домишко под дачу, а сама перебралась в город, купив себе маленькую, но благоустроенную квартирку в деревяшке, и была очень довольна своей новой жизнью – ни тебе воду носить, ни дрова рубить, ни печку топить. Да только радовалась она не долго. Как посмотрела на счета за все блага...

Пришлось идти в санитарки. Это была маленькая, похожая на беленькую мышку, подвижная и приветливая женщина, неприхотливая и привычная к физическому труду. Один недостаток у бабы Зины был неистребим – она любила поговорить, и трещала с утра до конца смены с кем угодно и о чём угодно. Не всем это нравилось. Но санитарок в больнице был постоянный дефицит. Тем более что квартирка её была на окраине города, добираться до больницы далеко, да и хлопотно, к тому же, как ни крути – экономия, поэтому она часто оставалась ночевать в подсобке, то есть, даже ночью, она всегда была под рукой. Баба Зина говорила Павлу:

– Ну, чё, Павлуша, всё хандришь, не хошь с людьми-то поговорить? А чего тебе хандрить-то? Руки-ноги целы, голову лечат. Глаза видят, уши слышат. Остальное приложится, помяни моё слово. И не таких видали, а потом, как оклемаются, так и спасибо мне говорят, что хандрить-то им не давала. И ты потом спасибо скажешь, вот увидишь. Может ты боисси, что одёжи у тебя нет, так не бойся. Люди со всего города в больницу хорошую одёжу тащат, и обувь тоже. Кому помоднее захотелось, кому мало стало. Так что когда выпишут, оденут тебя, как картинку, на первое-то время, а как заработаешь, купишь своё, кровное. А если голову тебе приклонить негде, так у меня всё равно пока квартирёшка пустует, там и поживёшь, сколь понадобится. А как работать начнёшь, так со мной и рассчитаисси. Ну, как тебе, Павлуша, такой план?

– Какая работа без документов?

– Об этом ты лучше с медиками посоветуйся, они тебе помогут. От людей-то не замыкайся.

Медсестра Галя пришла на смену в приподнятом настроении. Ей не терпелось сообщить Павлу радостную весть. До начала смены оставалось ещё 40 минут, и она пошла к нему в палату. Павел лежал, отвернувшись к стене, но не спал.

– Павел, а у меня для Вас хорошая новость. Мой брат Гена в прошлом году окончил школу милиции, и работает в МВД. Сейчас он в отпуске, скучает. Я ему показала портреты девушки и проводницы. Он разместил их в интернете. И, представьте себе, девушка откликнулась. Она сообщила дату, номер поезда и маршрут. Теперь я знаю, как Вас зовут: Павел Николаевич Забелин, Вам 33 года, у Вас есть жена Евгения и дочь Илона. Вы живёте по адресу... – и Галя назвала ему адрес.

– Я девушке о себе ничего не рассказывал.

– Когда Вы с тем парнем не вернулись в вагон, а поезд уже подходил к Тюмени, где девушка должна выходить, она подошла к проводнице и всё ей рассказала. Девушка даже запомнила фамилию проводницы – Никулина. Та забрала Вашу сумку и сотовый телефон, который она нашла под подушкой, к себе в купе. Мой брат нашёл эту проводницу через резерв проводников. Она рассказала, что, приехав домой, сразу позвонила по Вашему сотовому телефону Вашей жене. Но жена бросила трубку, и не стала разговаривать. В общем, проводница эта сохранила и Ваши документы, и сумку с летней одеждой. Гена попросил проводницу отнести Ваши документы в отделение железнодорожной полиции, так, что их скоро доставят сюда.

Павел встал с постели. Вид у него был совсем ошарашенный. Он подошёл к Гале, обнял её и расцеловал в обе щёки:

– Прямо не знаю, как Вас благодарить. У меня не хватает слов. Передайте мою великую благодарность и Вашему брату. – Он говорил ещё с трудом, растягивая слова, но это было не важно. Жизнь его сделала крутой поворот, и, возможно, в лучшую сторону.

Но эйфория вновь сменилась унынием и разочарованием.

– Жена Евгения. Почему же она столько времени не пыталась искать меня. Ведь Галя с братом за 2 недели сделали то, что она не сделала за 7 месяцев. А дочка? Какая она? Я про них ни разу не вспомнил. Как они жили всё это время без добытчика? Как они меня встретят, когда я вернусь домой? – И тут, неожиданно для него, в сознании возникла картина: довольно высокая, стройная черноволосая женщина, смуглая и зеленоглазая, с ненавистью смотрит на него и кричит:

– Неудачник проклятый! Вечно у тебя проблемы! Говорила я тебе, что не люблю детей, терпеть их не могу! А ты мне покоя не давал – роди, да роди! Ну, вот и родила! Вся в тебя девчонка – тихоня белобрысая. Имя ей придумал какое-то дурацкое! Илона! А чем ты кормить нас собираешься? Не думаешь ли ты, что я работать пойду? Даже не надейся, я не для этого замуж выходила. Работай, где хочешь – хоть на севере, хоть на юге, но чтоб я ни в чём не нуждалась, понял? А то уйду от тебя, мужиков на мой век хватит, а Илонку – болонку твою – тебе и оставлю.

Вспомнил Павел и свою ненаглядную малышку, свой нежный беленький одуванчик. Она всегда плакала, когда он уходил из дома, не хотела оставаться с матерью. Пришлось устроить дочку в садик, чтобы она не мешала матери ходить по магазинам и подружкам.

Галя, видя, что её больной опять захандрил, спросила:

– Павел Николаевич, Вас снова что-то тревожит. Разве Вы не рады, что самое страшное уже позади? Тот рисунок с бандитом я передала брату, Гена размножил его, и передал ребятам из железнодорожной полиции, так что его ищут и найдут в поездах, где он промышляет. Ну, выше голову! Всё будет хорошо! Я так рада за Вас!

– Можно мне получить свой сотовый телефон? Я хочу позвонить домой, узнать, как жена и дочь? А то я от волнения и спать не могу.

– Ну, конечно! Вообще-то в неврологии пользоваться телефоном запрещено, но у Вас особый случай. Думаю, Ваш лечащий врач не будет возражать. Сегодня пятница, врач уже ушёл и придёт только в понедельник. Потерпите, я у него обязательно спрошу. А я вот, Вам пирожков домашних принесла, в микроволновке разогрела, ешьте, пока они горячие.

Лечение Павла ещё не закончилось – сильное сотрясение мозга давало о себе знать. Речь его ещё не восстановилась полностью, координация движений – тоже. Его мучали головные боли и бессонница. Случались пока и резкие перепады настроения. Но медики его успокаивали, что при хорошем лечении в антистрессовой обстановке все эти неприятности уйдут без следа.

За время пребывания в больнице он сильно изменился. Рану на голове залечили. Волосы отросли, и парикмахер сделал ему стрижку, и побрил, оставив небольшую бородку. Получился очень импозантный блондин интеллигентного вида – высокий лоб, прямой нос, полные губы и выразительные серые глаза под тёмными бровями. Даже больничная пижама не портила его. Галя, увидев его настоящее обличье, совсем потеряла голову. Из жалкого, безвестного и очень больного пациента – и вдруг такое превращение! Он-то сам со стороны себя не видел, и думал, что гордиться ему особо нечем. Большинство мужчин вообще не придают значения своей внешности.

Зато он почти каждый день видел Галю, и тихонько любовался ею, ни на что не надеясь. А когда узнал, что у него есть семья – тем более. Галя не отличалась броской красотой – не красавица, но и не дурнушка. Зато, какая замечательная улыбка у неё была! Улыбка преображала Галю, и её доброе лицо прямо расцветало, а карие глаза лучились особым светом. Павел всегда ждал её прихода, прислушиваясь к её голосу в коридоре. Она и уколы и капельницы ставила мастерски. Она водила его на процедуры и на массаж – он уже давно отказался от коляски, ему хотелось ходить, двигаться, но, опасаясь упасть, он принимал её помощь.

Иногда, выполнив назначения врача в других палатах, она заходила к нему, просто поговорить, они давно перешли на «ты». Дружба их крепла. Они становились нужными друг другу. Павел знал, что Гале 28 лет. Она была замужем, но муж, купив скоростной мотоцикл, подписал себе смертный приговор. В первый же день, разогнав мотоцикл до немыслимой скорости на влажной после дождика дороге, на повороте, он не справился с управлением. Мотоцикл вылетел с трассы, и её муж ударился об дерево головой, попав точно, на торчащий толстый сук... Это случилось 4 года назад.

Остался сын Дениска. Ему сейчас 9 лет, учится во 2 классе.

– А моей Илоне 6 лет, в августе будет 7, так что она в этом году пойдёт в школу.

Суббота и воскресенье тянулись, как густая патока. С самого утра он был во власти плохого настроения. Напряжение от долгого бездействия, от бесцельного ожидания, от подавляемых в душе сомнений, настойчиво требовало выхода. Любой повод был хорош. И повод был один: Павлу казалось, что время стоит на месте, не двигаясь, у него всё тело чесалось от нетерпения. Он потерял аппетит и сон, и снова ушёл в себя. Он был уверен, что как только он позвонит домой, сообщит о себе, и узнает, как там дела, то сразу пойдёт на поправку.

В понедельник, в 10 утра обход. Галя пришла вместе с врачом, и улыбнулась Павлу из-за его плеча. Когда врач ушёл, она передала Павлу телефон, шепнув: – Удачи! – И поспешила за врачом.

Долгое ожидание вымотало и душу и тело. А теперь, когда долгожданный телефон был у него в руках, решимость покинула его. Он сидел на кровати, держал телефон в руке, но не торопился подключаться к абоненту «Женя». Так и сидел он, глядя в одну точку. Руки его дрожали. Он боялся, что не сможет внятно объяснить жене, что с ним произошло. Проклятая болезнь!

Обход закончился, и Галя, придя к нему в палату, сразу всё поняла. Она взяла из его рук телефон, нашла Женю, нажала на вызов, и передала трубку Павлу. Он с трудом выдавил:

– Женя, это я, Паша.

– Откуда ты, с того света что ли?

– Со мной случилась беда, я уже восьмой месяц лежу в больнице.

– А у тебя по-другому и не бывает, что ещё от тебя можно было ожидать?

– Как у вас дела? Как Илоночка?

– Дела у нас в порядке. Я вышла замуж, я же не знала, куда ты провалился. Так что не звони мне больше, мужу это не понравится. А Илонке-то что делается? Жива, здорова. Ну, бывай! – И повесила трубку.

Павел сидел, оглушённый. Он вспомнил, что жена его всегда была взбалмошной, но взять, и выбросить его, из своей жизни, как ненужную вещь! А как же дочка? И что он может сделать? У него нет денег даже на дорогу. И куда он привезёт свою доченьку? Кому он теперь нужен, такой ущербный? Ему и в голову не могло прийти, что Женя предаст его, даже не попытавшись узнать, где он и что с ним случилось.

Когда Галя пришла в его палату с лекарствами, она поняла, что Павел снова выбит из колеи.

– Что случилось, Паша? Что тебе сказала Женя? Что-то случилось с Илоной?

– Женя сказала, что вышла замуж, и чтобы я ей больше не звонил. У Илоны теперь новый папа.

– Ты поправишься, найдёшь работу, встанешь на ноги, и тогда во всём разберёшься, – но он уже ни во что не верил, потеряв точку опоры – свою семью.

Теперь он жил лишь прошлым, вспоминая всё лучшее, что было в его семье до катастрофы. Ему казалось, что он всё ещё любит жену, не смотря ни на что.

– Она моя и всегда будет только моей, остальное, что встало между нами – мусор, – он думал, что так и будет, когда он встанет на ноги. В тот момент он был уверен, что нет такой силы, способной заставить его отступить.

Ах, женщины, женщины. И зачем только Бог создал их! Как искусно расставляют они свои силки, как умело, они пленяют мужчин, зачастую, принимающих на себя это бремя, с радостью. При том, чем стервознее женщина, тем больше у неё поклонников, готовых простить ей всё, лишь бы она была рядом. Ирония судьбы.

Павел вспоминал её яркую красоту, стройную фигуру, и мечтал о ней, хоть и понимал, что пока мечты его несбыточны. Огонь, который то горит, то тлеет у каждого из нас в душе, поддерживая в нас волю к жизни, если и горел в его душе, то горел тускло и освещал лишь нечто, виденное ему одному. Мысль о том, что он потерял Женю и дочку, заполнила всё его сознание. Он одновременно презирал и жалел себя, утонув в своих переживаниях.

Планов на будущее он не строил. В глазах его поселилась усталость, точно всё в жизни опротивело ему и ни в чём не находит он ни удовольствия, ни радости.

А, между тем, на дворе уже царила весна. Она покрасила голубой лазурью небосвод, пустила по небу лёгкие и пушистые облака. Украсила деревья в больничном парке первыми душистыми и смолистыми листочками. Приголубила самые ранние цветы, которые засинели и зазелели в молодой травке. Призвала в парк птичек, и они, благодарные, оживили эту юдоль печали, весёлым щебетом. Она улыбнулась своему напарнику, весеннему солнышку, и оно осветило и согрело в парке скамейки и окна палат, подсушило мелкие синие лужицы и дорожки для колясочников из травматологии. Лёгкий озорной ветерок, прошелестев по молодой листве, надул занавески на окнах, наполнил свежестью воздух в палатах, помог солнышку высушить лужицы на дорожках, и прилёг отдохнуть в кустарнике у ограды.

Все, кто мог самостоятельно передвигаться, высыпали во двор и парк. Галя с трудом уговорила Павла погулять в парке. Теперь он сидел на скамейке, подставив своё бледное, лишённое красок лицо, яркому, но пока не жаркому солнышку. Он вдыхал полной грудью чистый воздух, и слушал деловитый щебет птичьих пар. Он ни о чём не думал. О плохом, думать

не хотелось, а хорошего, в своей теперешней жизни, пока не видел. Даже милая и заботливая спасительница Галя отодвинулась куда-то на задний план.

Ему было хорошо в этом парке. Ведь он почти 8 месяцев не был на воздухе, и не видел ничего, кроме опостылевших стен палаты.

Галя, догадываясь о причине душевных терзаний и резких перепадов настроения, подошла к психоневрологу, лечившему Павла, и всё ему рассказала.

– Так-так, Галя! Уж не влюблены ли Вы в больного Забелина? – пошутил доктор.

– Да, так и есть, я люблю его и буду помогать ему всеми силами, но, если у него всё наладится в семье, я буду только рада. – Вскоре врач сам пришёл в палату к Павлу.

– Я слышал, у Вас, Павел Николаевич, в семье кризис. Ну, что ж, зато налицо полная ясность в отношениях, хоть эта ясность и нежелательная. Теперь у Вас появилась чёткая цель и мотивация для скорейшего выздоровления – ведь Вы наверняка захотите побывать дома и выяснить всё на месте. Часто женщина говорит не то, что думает, может быть не всё так плохо, как кажется. Рекомендую: возьмите себя в руки, не препятствуйте лечению своими отрицательными эмоциями. Скоро закончится максимальный срок Вашего пребывания в больнице. Вы же не хотите, чтобы потом Вас перевели в психиатрическую лечебницу? Рад за Вас, что рядом с Вами верный друг, Галя Сазонова. Она поможет Вам найти себя, поддержит, когда Вас выпишут, а дальнейшее уже будет в Ваших руках. Помните, у Вас есть цель, вот и подчините себя достижению этой цели. Желаю удачи!

Когда врач ушёл, Павел задумался:

– Цель-то есть, но к чему она приведёт, эта цель? Но он прав, с чего-то надо начинать, не век же мне жить в больнице. А Галя-то, какая молодец, она у меня прямо ангел Хранитель. – И он с нетерпением стал ждать прихода Гали.

Галя пришла после своей смены, увидев, что Павел стряхнул с себя уныние и тоску, она спросила:

– Ну, что, Паша, готов к борьбе за своё светлое будущее?

– Всегда готов!

– Я тебя никогда не спрашивала, какая у тебя профессия, кем ты работал раньше?

– О! Я токарь-универсал шестого разряда и работал в НИИ, изготавливая точные детали для научных экспериментов, на особых станках и станочках.

– Так вот почему у него такие чуткие руки, как у музыканта, – подумала Галя.

– Работа эта мне очень нравилась. Но зато не нравилась моей Жене. Ей казалось, что я мало зарабатываю, и она постоянно пилила меня, жалуясь, что ей ни на что не хватает денег. В конце концов, она вынудила меня уволиться из института, и отправиться на север за большими деньгами. Женя постоянно говорила, что на севере деньги лопатой гребут. Вот я и отправился на север, устраиваться к нефтяникам.

Когда я пришёл в отдел кадров, то увидел даму, которая прихорашивалась, глядя в зеркало, и не обращая на меня, никакого внимания. Личико у неё было действительно симпатичное, при условии, что вам нравятся куклы. Дама явно страдала непомерным самолюбием, и пыжилась изо всех сил, стараясь показать, какая она важная персона. Она, наконец, решила заметить меня.

– Слушаю Вас. На работу хотите устроиться? Все хотят непременно у нас работать. Ну, и какая у Вас профессия? Токарь? Хорошо. Заполните анкету. – Тяжело вздохнув, она встала, и я увидел, что её кукольную головку природа водрузила на рыхлое тело дородной женщины. Это было так неожиданно, что я невольно улыбнулся, она заметила. Ещё раз посмотрела мои документы и сказала:

– Токари шестого разряда нам не нужны. Нам надо что-нибудь попроще. Вы, конечно, можете работать, но получать будете, как токарь четвёртого разряда, не больше. Так что поищите для себя более подходящее место.

– Видимо, права моя жёнушка, из-за своей дурацкой улыбки профукал работу и «деньги лопатой», как последний лох. Переезжать на другое предприятие, не было ни времени, ни желания, ни возможности. На севере мне негде было зацепиться, чтобы искать работу – ни знакомых, ни родных. Я решил вернуться, и найти работу поближе к дому. Что из этого получилось, ты знаешь. Помоги мне устроиться в этом городе, пока я не заработаю денег на одежду, обувь и на дорогу. Женя, как ты знаешь, помогать мне не намерена.

– Давай подумаем, где ты можешь устроиться у нас в городе. Давай твои документы, Гена разместит твоё резюме в интернете, и сообщит, для связи, мой номер телефона. Как только кто-то откликнется, сразу дам тебе знать.

– Галочка, какая же ты молодчина. А мне постоянно нужен толкач. Не хватает мне твёрдости и настойчивости, что тут поделаешь.

– Пока ты не устроишься на работу и не получишь первую зарплату, можешь пожить у нас с братом. У нас трёхкомнатная квартира, так что одну я тебе сдам. А если тебе у нас не понравится, ты сможешь снять другое жильё.

– Не знаю, Галочка. Ты молодая женщина, тебе ещё надо замуж выходить, а тут мужик чужой живёт, но не муж. Испорчу я тебе репутацию. И что на это твой брат скажет? Да и я пока ещё не разведён. Вот поеду на праздники, вдруг, да всё наладится. Да и дочку я не могу навсегда потерять. Баба Зина, предлагала мне свою однушку, но это было ещё зимой. Я спрошу у неё.

– Ты, Павлуша, о репутации моей не заботься. Меня соседи с детства знают. И брат у меня нормальный парень, он всё поймёт. Я предложила тебе жильё от чистого сердца, но если у тебя есть другие варианты, то мне обижаться не на что.

– Ну, если так, я согласен. А что я надену, когда меня выпишут?

– На джинсы, кроссовки и футболку я тебе одолжу, а потом ты заработаешь на всё остальное.

В ответ на резюме пришло аж три запроса. Оказалось, что у Павла весьма редкая квалификация. Конечно, сейчас готовят токарей и 7, и 8 разряда, но у Павла был бесценный опыт работы. Когда Галя сообщила ему, что работа нашлась, осталось только выбрать, какому месту отдать предпочтение, от пессимизма Павла не осталось и следа. Недаром говорится, что дорога к успеху переполнена женщинами, которые толкают перед собой мужчину. Брат Гали тоже принял участие в выборе места работы для Павла. Он навёл справки и выбрал автосервис для дорогих машин, созвонился и договорился о встрече на следующей неделе. Павел загорелся. Его ждала любимая работа на высокоточных станках. Врач пообещал выписать его, как только будут готовы анализы.

Он покидал больницу, в которой он прожил так долго. Прощание было трогательным. Баба Зина всплакнула: – А что я тебе говорила, помнишь? И не хандри больше, а начинай новую жизнь. Не держись за старую-то, раз она развалилась. Ты, вон какой, красавец молодой! – Паша обнял старушку, и расцеловал её в обе щёки, отчего она смутилась и зарделась, как маков цвет.

Он попрощался и с приятелями, с которыми познакомился в больнице, и с мед. персоналом. Его было трудно узнать, одетого не в больничную пижаму и шлёпанцы. Это был высокий худощавый мужчина интеллигентного вида.

Павел вступал в новую жизнь, хотя был уверен, что это только временно. Настоящая жизнь ждёт его дома, в городе, где он жил со своей семьёй. Он очень переживал, что его доченька пойдёт в первый класс без него, но успокаивал себя:

– Ничего, всё у нас наладится, и дочка всегда будет рядом. К Новому году рассчитаюсь с долгами, подкоплю денег и поеду домой.

Ему новое жилище понравилось – светлая уютная комната с большим окном, выходящим в зелёный двор. На стенах висели трогательные акварели в рамочках – это были Галины

рисунки. Среди них он, неожиданно, увидел свой портрет, нарисованный карандашом, и удивился, что Галя увидела его таким красавцем. У Гали был несомненный талант.

В ближайший выходной Гены, они вместе поехали в автосервис. У Гены были, хоть и старенькие, но вполне исправные Жигули – подарок отца, который вдруг вспомнил, что у него есть сын, и на 18-летие отдал ему свою машину, купив себе иномарку.

Гена остался в машине, а Павел, войдя в приёмную автосервиса, сообщил, что пришёл по поводу работы по объявлению, и что ему назначена встреча.

Высокий мускулистый мужчина, лет 30, по привычке приторно улыбнулся. На его узком утончённом лице промелькнула усмешка по поводу затрапезного вида клиента – промелькнула, и бесследно исчезла. Он привык скрывать свои истинные чувства и мысли под маской предупредительной почтительности. Он считал себя достаточно умным, понимая, что только глупцы находятся во власти собственных чувств. Это был менеджер по работе с клиентами Слава Чириков. Он произнёс:

– Подождите здесь, пожалуйста, я пойду, узнаю. Документы у Вас с собой?

Он вернулся довольно быстро с человеком, одетым в рабочий комбинезон. Тот повёл Павла в мастерскую. Тут-то наш новичок оказался в своей стихии. В нём разыгралась профессиональная гордость. Он осмотрел станки и станочки, сделав ряд дельных замечаний. Узнал, какого рода работа ему предстоит, и порекомендовал прикупить ещё кое-какое оборудование. Начальник мастерской, Николай Степанович, сразу распознал в Павле специалиста высокой квалификации. А, узнав, где и кем он работал раньше, уважал Павла. В общем, взяли его на работу, назначив ему очень приличную зарплату. Он снова занялся своим любимым делом. Даже Слава Чириков не считал теперь Пашу банальным нищесбродом, он уважал профессионалов.

Свою первую зарплату он почти целиком отдал Гале, оставив себе только на дорогу до работы, на обед, и мелкие расходы. Он снова почувствовал себя полноправным человеком, достойным уважения. Вечером они втроем отметили его первую зарплату. Галя накрыла стол, купила хорошего вина, создала семейную обстановку. Настроение у всех было приподнятое. У Павла от одной рюмки вина зашумело в голове, да он и раньше никогда не увлекался спиртным. А когда выпьешь, да ещё запьянеешь – какие только мысли не придут в голову:

– И чего я всё рвусь куда-то? Жена меня не любит, и никогда не любила, а дочку я сюда заберу. Галя замечательный человек, что ещё надо для полного счастья?

После ужина Галя стала убирать со стола. Паша вызвался ей помогать. Гена ушёл в свою комнату спать. Посуду молодые люди убрали, и нечаянно оказались в одной постели – как и положено молодым людям, особенно, после долгого воздержания.

Галя чувствовала себя на седьмом небе, чего нельзя было сказать о Паше. Он был пригоден только к упорядоченной жизни, пусть и не такой спокойной, как хотелось. Он не терпел никакой раздвоенности, поэтому ни разу не изменил своей жене. Но именно чувство раздвоенности владело им в эти дни. Он разрывался между Галей и мечтой о своей законной семье. Слова врача засели в нём, как заноза – Женя могла сказать о своём замужестве просто ему назло.

В конце августа приехали мать Гали, Вера Петровна, и Денис. Денису исполнилось 10 лет, и он, пока, не проявлял к Павлу ни симпатии, ни антипатии. Зато Вера Петровна была очарована будущим зятем, и очень надеялась, что у них с Галей всё сложится. Погостив неделю, она уехала в Воронеж. Ей не терпелось поделиться этой новостью с сестрой.

Далеко ещё был вожделенный Новый год, когда можно будет съездить к дочери и жене, до него было ещё 4 месяца. Теперь ему не хотелось расставаться с Галей, ему было спокойно и уютно с ней. Она ни на чём не настаивала, не пыталась его удержать. Наоборот, она убеждала Пашу поехать туда и во всём разобраться. Неопределённость будет мешать, нормально жить.

Так и жили одной семьёй, ездили за город, встречались с приятелями, решали бытовые проблемы. Наладил Паша контакт и с Денисом. Отметили Гале её 29 лет, потом Паше 34 года, потом Генину очередную маленькую звёздочку. Паша уже без прежнего рвения собирался к жене, дело было даже не в ней, а в его маленьком белом одуванчике – дочке Илоне.

Паша, наконец, узнал, что такое нормальная семейная жизнь – без бурь, оскорблений и потрясений, где в доме царят порядок и уют, а на кухне пахнет борщом и пирожками. Где не надо стирать рубашку, трусы и носки под краном, не найдя чистых. Паша рано остался без родителей, он рос у бабушки, которая умерла ещё до его совершеннолетия, оставив о себе светлые воспоминания, за свою доброту и любовь к внуку.

Новый год решили отметить вместе, а потом Паша поедет к жене и дочке. С работы он решил пока не увольняться.

Галина

Жаркое лето подходило к концу, завтра уже 1 августа. Четвёртое лето без Андрея – мужа и близкого друга. Боль утраты уже притупилась. Жизнь умеет, стирая в памяти детали событий, и радостных и горьких, набрасывая ни них тонкий флёр времени.

Они с Геной помянули Андрея, и теперь, лёжа в кровати, она вспоминала историю их с Андреем любви и его короткой жизни.

Они дружили ещё со школы, и жили в соседних дворах. Азартный и весёлый Андрей всегда был заводилой, и любил быть первым во всём. Ему нравилось рисковать, и он ничего не боялся.

В 9 классе у него было много девчонок, потому что он был не такой, как все. А он выбрал Галю. И этот выбор всех озадачил. Но это будет потом.

Она-то понимала, в чём тут дело. Андрей нравился и ей, но Галя, единственная из девчонок никогда не старалась понравиться ему, реально оценивая свои шансы на успех, не писала ему записочки, не подкарауливала его у школы или у дома, где он жил. Когда Андрей, ради спортивного интереса, попытался приударить за ней, пятнадцатилетняя Галя, посмотрев ему в глаза, сказала:

– Не трать время, ты для меня ничего не значишь. – Сильный у неё был характер.

Но и с другими мальчишками она не встречалась. Тут сказывалось мамино влияние.

Отец бросил их, уйдя к другой женщине. Гале тогда было 12, а брату Генке 7 лет. Она видела, как страдает её мама, как потухли её глаза, а радостная улыбка не озаряла её лицо, как прежде. Как ни трудно ей было растить одной двух подростков, замуж она больше не вышла, хотя такая возможность была – просто она больше не верила ни одному мужчине. Галя поступила в медицинский колледж после 9 класса, на отделение «сестринское дело», а Андрей стал учиться в техническом училище по специальности «Фрезеровщик».

Они встретились зимой на студенческом лыжном пробеге. Андрей и тут стремился быть первым, но пришёл вторым и очень огорчился. Галя бежала только для количества и удовольствия размяться на свежем воздухе. С этого пробега и началась их дружба, а потом пришла и любовь. Андрею предстояло учиться 3 года, Гале – 4. Всё свободное время они проводили вместе, с удовольствием делились новостями и проблемами, и всегда находили общий язык. Когда они проучились 2 года, Андрей как-то сказал:

– Вот окончу училище и пойду в армию, попрошусь в ВВС – авиация – это клёво, а ты как раз окончишь училище, и мы с тобой поженимся, пойдёшь за меня? – она только смеялась в ответ:

– Ну, и фантазёр же ты! Да за 2 года чего только не случится! Сначала давай доучимся, а потом видно будет, как дальше жить. Нам только по 17, какая женитьба?

Мечтам Андрея не суждено было сбыться. На последнем курсе, зимой, он на спор спрыгнул с крыши двухэтажного дома, и сломал ногу и ключицу. Своё совершеннолетие он встре-

тил, лёжа в больнице. Нога плохо срасталась. Об армии пришлось забыть. Он очень переживал этот облом, но выражение «впредь наука» к нему никогда не имело никакого отношения. Такие рискованные мальчишки очень нравятся девочкам такого же возраста, и Галя любила своего хромоножку всей душой. Окончив училище, Андрей устроился работать в локомотивное депо железной дороги. Руки у него были золотые, он быстро прижился на работе, и стал прилично зарабатывать.

Раз армия не состоялась, ребята решили, не откладывая, пожениться, пока он ещё чего-нибудь не сломал. Гале надо было учиться ещё один учебный год. Мама, разумеется, была категорически против:

– Ой, Галя, какой-то он бесшабашный. Нахлабаешься ты с ним горя, наплачешься. Такие ухари долго не живут, он вечно будет искать приключений на свою голову.

Но кто и когда принимал советы родителей всерьёз? Гале было уже 18, и она сама решила свою судьбу. Свадьба была скромной – только самые близкие, денег пока было не густо, но молодые были счастливы. Андрей довольно хорошо играл на гитаре, гости подпевали ему, а молодая жена смотрела на него влюблёнными глазами. Что ещё надо для счастья?

Молодожёны поселились в Галиной комнате. Андрей стал называть тещу по отчеству, просто Петровна, она не возражала. Придя в их квартиру, Андрюша починил всё, что надо было починить, что болталось – закрепил. В доме появился настоящий мужик. Генка от зятя был в восторге, в рот ему заглядывал, его авторитет был непререкаем. Генке было 13 лет.

Жили они дружно. Он звал жену Галчонок, она его – Андрюха. Будучи супругами, они оставались друзьями. В их отношениях не было недомолвок и скрытых обид, все житейские проблемы они решали вместе. В октябре Галя поняла, что беременна, и колледж оканчивать ей пришлось за месяц до родов. Она стала операционной медсестрой. Получив Диплом, Галя сразу отнесла его в областную больницу, где проходила практику, забив себе место на будущее. Медсестра – профессия востребованная.

Неугомонный Андрюха помогал ей во всём, когда был дома. Мама смирилась и была довольна зятем. Когда родился Дениска, он очень гордился, что у него сын, что он сам теперь папаша. Он с удовольствием гулял с малышом, не спеша катая его в коляске.

Когда в июле Денису исполнилось 5 лет, Андрею, осенью, 25. К этой дате он убедил Галю купить хороший мотоцикл. Гале 25 лет будет в декабре, ей они решили купить швейную машинку.

Это был последний день рождения в его короткой жизни. Андрей разбился насмерть, когда впервые сел на свой новый мотоцикл, опьянев от его мощи и бешеной скорости. Ухарство у повзрослевшего Андрея никуда не девалось, мама, как в воду глядела. Всё случилось у Гали на глазах. Андрей отвёл мотоцикл подальше, крикнув жене: – Стой там, где стоишь, потом тебя прокачу! – и рванул прямо с места. Она стояла недалеко от поворота. Он сидел на мотоцикле, откинувшись назад, уверенно держась за ручки. Каски на нём не было, поэтому волосы его растрепались на ветру. Он что-то восторженно кричал, такой молодой и желанный, а она смотрела на него и смеялась от счастья.

Андрей ударился о дерево совсем близко от неё. Если бы его вынесло чуть дальше дерева, Галя наверняка погибла бы. Она подбежала к нему. Ей не раз случалось наблюдать смерть в операционной, но она так и не смогла свыкнуться с этим. Сегодня ей было особенно невыносимо. Она физически ощутила дрожь тела, и короткий стон, как всхлип, и у неё из-под руки ушла жизнь, самого близкого для неё человека. И снова тоскливое смятение поднялось в её душе, жаждущей знать, куда ушла жизнь. Андрею уже ничем нельзя было помочь. А она всё стояла рядом с ним на коленях и повторяла:

– Андрюшенька, родной мой, не умирай, пожалуйста, не умирай! Как же мы без тебя?

При этом воспоминании, слёзы у Гали потекли безудержно. А в то время она никак не могла поверить, что Андрея больше нет, и никогда не будет. Смерть была такой нелепой

и неожиданной, что Галя окаменела. У неё даже не было слёз. Её сознание отключилось, и она действовала, как автомат, делая всё, что ей говорили. Она очнулась только у могилы, когда свекровь громко запричитала:

– Закатилось моё солнышко, свет померк. Осиротела моя душенька, пусто в ней. Нету сына моего, родного, нет Андрюшеньки. Как же жить теперь мне, одинёшенькой, без сыночка моего единственного? – она ещё долго кричала сквозь рыдания. И Галя будто проснулась – у неё началась истерика. Она кричала и рвалась к могиле. Поток слёз, и бурные рыдания, сняли с неё слишком опасное напряжение. Она пришла в себя. Но душа её не успокоилась.

Вернувшись на работу после похорон, она подошла к психоневрологу и попросила помочь ей обрести равновесие. У неё растёт сын. Он и так получил психическую травму от смерти отца.

Психоневролог, пожилой мужчина, сидя напротив, взял её за руку, и тихо сказал:

– Смерть чаще всего приходит слишком рано. Таков закон жизни. Человеку не дано выбирать. Ваш муж умер счастливым. Смерть его была мгновенной, он не успел даже испугаться. Его жизнь была короткой, но яркой. Вместо себя он оставил сына. Вырастите его достойным человеком.

Для себя Галя решила, что никогда больше не выйдет замуж, потому что не хочет предавать память любимого мужа. Жила же мама без мужа, когда отец бросил их, и она проживёт.

После этой смерти, Галя поняла, что оставаться операционной сестрой она больше не сможет, и её перевели работать с лечащим врачом – в палатах для выздоравливающих больных.

В прошлом году, 1 августа – роковую для неё дату, она подменяла заболевшую медсестру из реанимации в травматологии, когда привезли растерзанного мужчину с железнодорожного перегона. Галя помогала хирургу обрабатывать и бинтовать раны. Она обратила внимание на его руки – длинные чуткие руки музыканта, с аккуратно постриженными ногтями.

– Главная печаль – рана на голове. Сделаем рентген, посмотрим, задел ли мозг. Если да, то это будет прискорбно для больного. Рана нанесена предположительно кастетом, но убивец был, видимо, ниже ростом, поэтому сотрясение мозга налицо, а травма мозга под вопросом. Всё остальное заживёт, мужик, по ходу, молодой. Мы с тобой всё вправили, зафиксировали и так далее, – говорил хирург, закуривая, – а спасибо-то уж и не жди, он, когда очухается, про нас и не вспомнит. Вот, работёнка у нас! Какой-нибудь безголосый певец проквакает под фонограмму 2 минуты, а ему аплодисменты и цветы, и бабки такие, что дворцы в 5 этажей строят.

– Так мы же не за спасибо работаем, а цветы и нам дарят иногда благодарные больные, – возразила Галя.

– Идеальная, значит! Ну-ну!

Много больных прошло в этот день через руки хирурга с Галиной помощью. Но этой больной почему-то зацепил её душу. Она подумала, что когда его переведут к ним в неврологическое отделение, она постарается, чисто по-человечески, помочь ему.

Когда он оказался у них в отделении, она начала присматривать за ним. Ей было странно, что его никто не искал, к нему никто не приходил – не на необитаемом же острове он жил до ранения. А поддержка ему, ой как была нужна. К нему никто не пришёл ни через месяц, ни через два. Жалела она его, и помогала ему, как могла.

В отличие от других больных, он питался исключительно больничной пищей, а с неё не разжиреешь, да и надоедает она быстро своим пресным однообразием. Вот и стала Галя приносить ему гостинцы, вместо родственников. Она всегда любила стряпать, как и её мама. Испечёт ли Галя пирожки с разными начинками или пиццу – обязательно угостит этого ничейного больного. Водички минеральной в маленькой таре перед ним поставит. То огурчика солёного, то помидор консервированных, в баночке, принесёт. Глядишь, и аппетит появится, у бедолаги.

Она знала, что резкие перепады настроения – это последствия ушиба и сотрясения мозга, и старалась облегчить его состояние. Так она и помогла ему найти себя. Сначала она пожалела его, чисто по-женски, а потом прикипела к нему. Люди всегда привязываются к тем, к кому проявили участие или оказали существенную помощь, подсознательно полагая их, своей ответственностью, или, считая себя ответственными, за их дальнейшую судьбу. Она соглашалась подменять коллег, чтобы почаще быть возле него, видеть, как он медленно, но неуклонно выздоравливает. Между ними установились дружеские отношения. Он рассказывал ей всё, что вспоминал. Галя уже поняла, что Павел человек мягкий, добрый, не уверенный в себе. Ему требуется моральная помощь и поддержка. Она часто с нежностью думала, что у неё к нему чисто материнское чувство, хоть и была моложе него на 5 лет.

И тут этот звонок жене, который выбил его из процесса выздоровления, и свёл насмарку все усилия врача. Она говорила сменщице Кристине:

– Нет! Ну, ты подумай, какая мегера! Мало того, что предала его, так ещё старается ударить его побольнее, рада его совсем со света сжить! А он говорит, что любит её, несмотря ни на что, и надеется вернуться к ней. А как трогательно он рассказывает о своей дочке! Называет её беленьким одуванчиком. Не каждый мужчина найдёт для своего ребёнка такие слова.

Галя стала выводить своего подопечного на прогулку с самой весны. Особенно ей запомнился такой день в начале лета. Павел с раннего утра ждал этой прогулки. Он наблюдал за Галей, и она ловила себя на том, что взгляд его серых глаз волнует её. Она тоже ждала этой прогулки, но дела не отпускали. Он был не единственным больным, зависящим от неё.

Они сидели на скамейке в глубине парка. Она отдыхала после ночной смены, а он наслаждался тишиной и красотой летнего дня. Залитый солнцем парк, весь в дрожащих тенях от резных листьев разных высоких деревьев. Над головой голубел безоблачный просвет между кронами деревьев, похожий на круглый коврик, неизвестно как, очутившийся в вышине. Трясогузки деловито перебежали по плиткам дорожек, о чём-то переговариваясь, своими тоненькими голосами.

Им было хорошо вот так, молча, сидеть рядом, не думая ни о каких проблемах, забыв все тревоги и неприятности, просто жить в этот прекрасный летний день, и тихо радоваться жизни.

Первые два года после смерти мужа, Галя свято хранила ему верность. Но молодость и здоровье диктуют свои условия, и у неё случались кратковременные связи, не задевающие её душу. Она не считала их предательством по отношению к Андрею. К Павлу её тянуло совсем по-другому. Галя уже не могла и не хотела обходиться без него. В редкие выходные дни она не находила себе места, её тянуло на работу, поближе к Паше. А когда увидела его во всей красе после стрижки и бритья, подумала:

– Вот он, мой мужчина! И, никого другого – мне не надо. – А потом поправила себя: – Мой, да не мой! А любить – то его мне никто не запретит.

Перед выпиской она купила Павлу недорогую одежду и обувь, чтобы он мог устроиться на работу, которую ему нашёл Гена. Денег у неё кот наплакал. Хорошо, хоть брат помогал.

Мама к этому времени уже постоянно жила у одинокой сестры, владелицы большого дома в Воронеже. Денис всё лето жил у бабушек, там у него было полно друзей.

Теперь Паша поселился в их с Геней квартире, и она снова стала дорожить каждым выходным днём, не соглашаясь ни на какие просьбы о подмене. Присутствие Паши в её квартире создало особую атмосферу. Как это она раньше не замечала, какое это удовольствие ухаживать за любимым мужчиной, видеть его каждый день. Следить, чтобы он всегда был ухожен. Смотреть, как он ест, как смеётся над шутками брата. Ей казалось, что Паша самый красивый, добрый, ласковый, внимательный, заботливый. Теперь в глазах окружающих он смотрелся как стройный сухощавый мужчина с мягким взглядом серых глаз – с прямой осанкой, собранный и немногословный. Она гордилась своим мужчиной и любила всё, что было с ним связано. Но её тоже мучила его раздвоенность. Скорее бы всё решилось.

Первую зарплату, которую Паша ей принёс, она потратила на демисезонную одежду и обувь для него, а надо было ещё одеть его для зимы, да так, чтобы не стыдно было показаться прежней жене и дочке. Но Паша хорошо зарабатывал, по сравнению с ней, и с покупкой одежды проблем не будет.

Незаметно подкралась ранняя осень, а с нею пришла грибная пора. Осень выдалась тёплой, с грибными дождичками. Паша иногда брал машину у Гены по доверенности, и, в ближайший выходной, они с Галей, и ещё одной молодой парой, на двух машинах отправились в лес за грибами с ночёвкой. На антресолях нашлась и палатка, столько лет не востребованная. Можно было ночевать и в машине, но захотелось романтики. Галя удивлялась – видно, её юные годы снова вернулись – она снова ощущала себя молоденькой влюблённой девчонкой.

Не зная здешних мест, Паша ехал за Галиными приятелями. На место приехали во второй половине дня. В лесу темнеет быстрее, поэтому решили сначала поставить палатки, потом сварганить лёгкий ужин под гитару и коньячок, а рано утром пойти по грибы. Гитару привезли Костя с Ларисой.

Паша отошёл прогуляться. Откуда-то слева, из-за деревьев донеслось искристое журчание ключа, и он подумал: – Ну, вот и вода, да ещё какая! – Набрав воды в ладони, он с удовольствием попил холодной, кристально чистой воды. Сходяв за котелком, он набрал воды для чая, потом вернулся к палаткам.

Там полным ходом готовился фуршет у костра. Когда никого не ждёшь и не догоняешь, время бежит быстро, а с разговорцем, так ещё быстрее. Повесив котелок с водой над костром, друзья сели ужинать. Всё пространство вокруг обволакивали пока ещё прозрачные сумерки.

Робкие лучи заходящего солнца, не могли пробиться сквозь густые кроны высоких деревьев, и, запутавшись в пожелтевшей листве, гасли, растеряв по пути весь свет. Влажные сиреневые сумерки, словно опустили на глаза наших грибников невидимые шторы и пала темнота. Вечерняя роса обволакивала ноги приятным холодком. Над лесом повисла щербатая луна. Она висела так низко, что казалось, что ещё чуть-чуть, и она запутается в высоких кронах чёрных деревьев.

Сразу стал ярче небольшой костерок. Они сидели, тесно прижавшись, друг к другу, и любовались трепещущими языками пламени. Огонь каждый миг такой разный – то дикий и не обузданный, как молодой жеребчик. То плюётся искрами и весело трещит, поедая сухие ветки хвороста, то тих и печален, и робко рдеет на углях, напоминая живой огненный цветок.

Паша потянулся за гитарой, и сказал, что тоже немножко играет. Галя обрадовалась:

– Надо же! А у нас дома тоже есть гитара. Сколько же в тебе ещё не раскрытых талантов, Пашенька! Наигрывая на гитаре, он думал, что кошмарные 9 месяцев, проведённые в больнице, ещё не забылись, и был бесконечно благодарен Гале за то, что она всеми силами помогает ему их забыть. Он уже не был так уверен, что ему надо ехать к Жене, но очень хотел забрать Илону.

Паша был рядом, и Галя всё время чувствовала себя, как птица в полёте. Ей теперь всё было ни по чёму. Она не хотела думать, что это счастье, возможно, скоро улетит, словно сон.

На работе тоже заметили, как она изменилась. Кристина позавидовала:

– Сазонова, да ты вся светишься! Где бы мне найти такого мужика, чтобы я от счастья помолодела. Везёт же людям.

– Не ищи идеального, и найдёшь своего, – улыбаясь, ответила Галя.

Теперь Денис жил в Пашиной комнате, а Паша перешёл к ней. Галя боялась, что Дениска не обрадуется чужому дядьке у них дома. Он плохо помнил своего отца, но это не меняло дела. Боялась она зря – Паша, который всегда любил и понимал детей, подобрал ключик и к Денису. Он помогал мальчишке решать задачки. В выходные дни, особенно, когда они не совпадали с Галиным выходным, Паша с Дениской ездили в цирк, в краеведческий музей. Дома Паша учил его игре в шахматы. От Андрея осталась гитара, которая пылилась на антресолях. Паша

достал её, настроил, и стал учить Дениса игре на гитаре, на что тот охотно согласился – он видел фото отца с гитарой.

Стояла поздняя осень. Паша, засунув руки в карманы куртки, торопился домой. К вечеру заметно похолодало. Низкие, клочковатые тучи, как бы нехотя, волочил по мокрому небу северный ветер. Всё вокруг погрузилось в зябкую промозглую тьму. Уличные фонари тускло освещали малолюдную улицу. Сырой холод пробирал до костей. Вот уже застучали первые капли дождя, оставляя на асфальте крупные тёмные капли. Последние метры до подъезда пришлось быстро пробежать.

Дождь бился в окна, точно пытался проникнуть в комнату, а утром жителей города ждал хмурый рассвет, такой же мутный и слякотный, как и все предыдущие. Тоска, а не погода.

А в конце ноября вдруг почему-то потеплело, эта загадка природы всех озадачила.

Время бежало без остановки и привело за собою зиму. Осень никак не хотела сдавать свои права, и в начале декабря было ещё непривычно тепло. Но потом, вдруг, зима пригнала толстобрюхие сизые тучи, и они, заполнив всё небо, разразились невиданным снегопадом. Снега навалило столько, что все машины, включая городской транспорт, буксовали на ровном месте. Люди шли на работу пешком через весь город. Но зато ушла осенняя слякоть и сырость. Воздух стал свежим и чистым, хоть пей. Зима укрыла всё вокруг белым покрывалом, притушила яркое солнышко, навела румянец на детские щёчки, когда они высыпали на улицу играть в снежки и лепить снежных баб, или просто побарахтаться в чистом и пока рыхлом снегу.

В сёлах и посёлках снег быстро покрылся толстой коркой наста, и лежал по обе стороны узкой полосы прочищенной дороги, так что путникам казалось, будто они попали в лабиринт, из которого нет выхода. Правда, этим на Урале никого не удивишь.

А за городом лежал глубокий снежный покров в первозданной белизне, по которому пока не ступало ни одно живое существо. Лишь ветер в поле срывал лёгкие снежные вихри, приглаживая и без того зеркально гладкие сугробы.

Ах, хорошо на свете жить! Природа не даёт скучать, постоянно меняя внешний антураж.

Сизые тучи, сбросив свой груз, под напором ветра улетели незнамо куда. Небо очистилось, но тут же побелело от мороза. Пар от дыхания клубился в ледяном воздухе. Зато впереди ожидали два события – Новый год с подарками и школьные каникулы без уроков.

Павел и Галя тоже ждали от Нового года полной ясности в своих отношениях. Гена решил жениться, и обещал забежать к ним с невестой перед Новым годом балом.

Перед праздником Павлу выдали квартальную премию, и он накопил подарков. Гале – хороший смартфон, Денису – планшет, Гене – гантели. Дениска выпросил себе право сидеть с взрослыми в Новогоднюю ночь, но не дотерпел даже до 10 часов вечера, убежавшись в ледовом городке. Пришлось его подарок положить под ёлочку. Галя, получив подарок, прослезилась – ей давно никто не дарил подарков. Да и о телефоне таком она раньше не смела, даже и мечтать. Гены дома уже не было, поэтому гантели отнесли в его комнату.

Приглашать никого не стали, посидели вдвоём, проводили старый год, встретили Новый. Печальный получился праздник – между ними стеной стояла поездка Павла в родной город.

Утром они обнаружили, что Гена уже дома и не один, правда, невеста его ещё крепко спала, спал и Дениска. Гале надо было приготовить еду, ей предстояла ночная смена.

Поезд уходил в 10 часов утра, поэтому, позавтракав, Паша взял небольшую сумку с одеждой для вагона, поцеловал Галю, пообещал позвонить, и ушёл. Он решил обойтись без проводов.

Галя обещала себе, что ни за что не заплачет, что так надо, но как только за Пашей закрылась дверь, она ушла в свою комнату, зарылась в подушку, и зарыдала горько и безутешно. Неужели у неё такая судьба – только недолго быть счастливой, а потом всё потерять. За что же ей такое наказание? Как она будет жить без него? А Денис? Ведь он привязался к нему, надеялся, что Паша будет его отцом, и даже как-то тихонько спросил:

– Мама, а можно я буду называть дядю Пашу папой, он такой хороший? – Что она могла ему ответить?

– Подожди, сынок, вот вернётся он к нам с дочкой Илоной, тогда и сможешь звать его папой, а Илона станет твоей сестричкой, ей всего 7 лет.

– А когда это будет?

– После Нового года.

– А почему сейчас нельзя?

– Потому, что он ещё не решил, будет ли жить с нами всегда.

Возвращение

Павел подходил к знакомому дому, и сердце его забухало, как кузнечный молот, а потом провалилось и запуталось где-то в кишках.

Он подошёл к двери заветной квартиры, и вдруг услышал голос своей ненаглядной красавицы жены. Она ругалась, прибегая к таким выражениям, каких он не слышал, даже общаясь с мужиками. Он с облегчением улыбнулся, поняв, что вернулся на знакомый до боли вулкан, в период его извержения, но теперь он не имеет к нему никакого отношения. Потом услышал густой голос мужчины, который тоже не выбирал выражений.

Павел позвонил в дверь. Ему открыл краснорожий мужик – косая сажень в плечах – усатый, лохматый и пьяный. На лице его выделялись ярко-голубые выпуклые глаза в красных веках.

– А это ещё кто? – Грозно спросил он у Жени.

– Это – мой бывший нарисовался, с того света явился.

– Ну, проходи, давай знакомиться. Я – Василий Дубак, прапорщик.

– Павел Забелин, токарь.

– Ясно. Выпьешь? Нет? Так ты чего пришёл-то?

– Да я за дочкой пришёл, хочу её забрать. Где она? – Он только сейчас посмотрел на Женю и удивился, как она изменилась за эти полтора года. Она пополнила, лицо оплыло, но хмурое раздражение было прежним. Потом понял – да она беременная!

– Илонка с соседской девчонкой на ёлку пошла, Васька ей несколько билетов на ёлку притащил. Может, скоро придёт. Болтается где-то допоздна, домой не торопится.

– Дочку можешь забрать, я своих короедов целый взвод настроаю, да и Женьке она как чужая. Распустил ты жену, плохо воспитывал, мне теперь перевоспитывать её приходится. Ну, с этим мы справимся, опыта я с новобранцами накопил – будь здоров! Он задумчиво почесал свой толстый нос, и продолжил:

– Распусти-и-л, дальше некуда! Первый раз встречаю бабу, чтоб она ребёнка не хотела. Ну, ничего, у меня будет рожать, пока сам не скажу, что хватит. Работать, говорит, не буду. Ишь, графиня выискалась, на шее у мужа ей нравится сидеть. На моей шее долго не усидишь, – Василий похлопал себя по бычьей шее: – Не хочешь работать – рожай детей, они скучать не дадут, и без работы не останешься. Денег мало? Так я не фон барон какой-нибудь, но голод и нищета нам не грозят. Моего пайка на всех хватит. Да и одевает, и обувает меня, родная армия.

– Боров ты, а не барон, чтоб тебя черти взяли! – Подала голос жёнушка.

– Цыть, у меня! Давно не получала? Так за мной не пропадёт! Ишь наладилась – кусать руку, хлеб дающую, шалава необразованная.

Павел попросил:

– Женя, собери вещички Илоны, да и мои тоже. Свидетельство о рождении не забудь.

– Твои шмотки – вон, у порога, в старой сумке. Хотела на помойку выбросить, да не успела. А у Илонки и собирать нечего. Школьную форму, ранец с учебниками, да так, по мелочи. Остальное – купишь.

– Телефона у неё нет? Нам надо на вечерний поезд поспеть.

– Ишь, чего захотел! Телефон ей! Ладно, схожу к соседке, у девчонки её телефон есть.

Павел осмотрелся. Квартира принадлежала ему. Он жил в ней ещё до женитьбы. Теперь она стала походить на казарму. Всё в ней чужое, и люди чужие. Бедная Галочка! Сколько ей пришлось пережить, пока он ей голову морочил из-за Жени. Его прервал Вася, он словно прочитал его мысли:

– Квартира, как я понял, твоя, и ты имеешь на неё все права. Женьке после развода даже половина не положена. Она ведь уже взяла развод, и про квартиру узнала. Но повремени чуток, пока я получу жильё от воинской части, мне обещали. Черкни телефон, я тебе отзвонюсь, как будем съезжать.

– Хорошо, Василий. Хороший ты человек, порядочный, опять повезло Жене.

– Стервам всегда везёт, но и на них управа есть. Будет у меня, как шёлковая. – А Паша подумал:

– Так вот чего ей не хватало для полного счастья. Она всё о жёстком сексе мечтала, вот и получила, что хотела – и жёсткий секс, и жёсткий кулак, и жёсткий нрав. Эксклюзив – три в одном.

Они помолчали, потом Василий спросил:

– Может. Поклюёшь чего? Сейчас чайник поставлю. А то ты с дороги, и снова в дорогу.

– Спасибо, Василий, кусок в горло не лезет. На вокзале, если успеем, поедим, или с собой прихватим. Сейчас праздники, школа закрыта, а надо бы справку и мед. карточку взять, может, поможешь? Можно, конечно всё через интернет переслать, да компа у нас пока нет.

– Женьку pošлю, пусть хоть последний раз о дочке позаботится. Потом тебе звякну.

Вскоре прибежала запыхавшаяся Илона. Она кинулась к отцу на шею. Он прижал к себе её худенькое тельце, едва сдерживая слёзы. Потом взял вещи, кивнул Василию, и вышел. На лестнице его ждала Женя. Она, молча смотрела на него, потом сказала:

– А ты изменился, такой красивый стал. Видать на том свете лучше тебе живётся, чем со мной. Какая же я была дура!

– Желая тебе счастья. – И ушёл, не оглядываясь. Вскоре хлопнула дверь его квартиры – Женя вернулась домой. Он почувствовал облегчение, словно тяжёлая грозовая туча над головой рассеялась, и выглянуло солнце. Он взял дочку за руку, вышел во двор, вызвал такси, и поехал на вокзал.

– Папа, а мы больше никогда не будем жить с этой шалавой, матерью? – Павел изумился:

– Вот тебе и беленький одуванчик...

Павлу только сейчас пришло в голову – под маминым влиянием его дочь была целых семь лет, это не могло пройти бесследно. И как жена унижала его самого, Илона видела тоже.

– Ничего себе проблему я приготовил Галочке! Потерпит, да и выгонит нас обоих. Характер у доченьки явно не мой. Как же я этого раньше не замечал? Со мной она всегда была ласковой. Спокойной жизни у нас с Галей точно не получится. Но ребёнок ни в чём не виноват, будем прививать ей доброту.

Дела семейные

Выплакав все слёзы, что были отмерены ей на сегодняшний день, Галя умылась, покормила сына, выслушала его восторги по поводу планшета. После обеда встали молодые, и Галя познакомилась с будущей невесткой. Та виновато улыбнулась и сказала:

– Что-то я разоспалась, как у себя дома, хорошо тут у вас. Меня Даша зовут, а про Вас мне Генка рассказывал.

– Ну, вот и хорошо, Дашенька, а мне на работу пора, после праздников всегда много работы. Не забудьте покормить обедом и ужином моего Дениса, и сами поешьте. Всё стоит в холодильнике.

Приняв смену, Галя обошла палаты, все, кроме той, в которой лежал Паша. Всё, что напоминало о нём, отзывалось острой болью в душе. Может, следовало его удержать любой ценой?

– Нет, насильно мил не будешь. Я всё правильно сделала. Там жена, которую он любил, да и теперь видимо любит. Там родная дочь, а здесь чужой ребёнок. Там город, в котором он вырос, а здесь всё не то. Телефон мне подарил дорогуший, видимо, прощался навсегда. А мне этот телефон и не нужен. Положила его в коробочку и пусть себе лежит, пока Денис не подрастёт.

Эти мысли, и похожие, крутились в голове каруселью, не давая покоя. Но не отогнать их, не перебить чем-то другим, у неё не получилось. Пашин отъезд – слишком глубокий стресс, чтобы он сразу забылся. Отработала смену на автомате – руки её хорошо знали своё дело. Как-никак, 10 лет она отдала этой больнице и её пациентам. Ночью было тихо, никто её не вызывал. Баба Зина опять ночевала в подсобке, она разбудит, если что. Но, сон к ней так и не пришёл. Устав от бесконечной карусели, заполнившей её мозг, она встала, и пошла по палатам. На этот раз она не смогла миновать Пашину палату. Тихо приоткрыв дверь, она заглянула в комнату. В их отделении редко пустовали места, вот и Пашино место было занято. Она вошла в палату и сразу наткнулась на пристальный и напряжённый взгляд молодой женщины, лежащей на знакомом месте.

– Вы, почему не спите, у Вас что-нибудь болит? Может снотворное дать? – Тихо спросила Галя, наклонившись к больной. Она так же тихо ответила:

– Да, болит. Душа у меня болит, и жить я не хочу. Зря меня спасли.

– Галя вспомнила диагноз – попытка суицида. Напилась таблеток, но её спасла соседка, вызвав скорую.

– Нет, не зря. У Вас двое детей, подумайте, что с ними станет, если Вас похоронят.

– Да знаю я, что с ними будет – Светка по рукам пойдёт, а Витка от наркоты погибнет.

Галя поняла, что женщина дошла в своём отчаянии до последнего предела, и тут обычные слова бессильны. Тут нужен священник с причастием и исповедью. Завтра зайду в храм, договорюсь с батюшкой, это богоугодное дело – помогать страждущим, когда медицина бессильна. В её практике уже были такие случаи. Она принесла шприц со снотворным, поставила укол, подождала, когда больная уснёт, и пошла дальше.

Придя домой, Галя занялась домашними делами. Спать совсем не хотелось. Молодых уже не было, зато была полная раковина грязной посуды.

– Вот так невеста у Гены! Но пока он будет слеп и глух к таким мелочам, как немытая посуда, разорённая постель и другие «прелести» семейной жизни. Надо сказать Гене, чтобы снимали квартиру, когда поженятся. У меня просто не хватит сил убирать за всеми.

О Паше она уже не думала, острота впечатлений уже миновала. Она старалась заполнить своё внимание насущными проблемами, и ей это, наконец, удалось. Потом она поймала себя на том, что просто боится лечь в свою осиротевшую постель, пытаясь избежать приступа тягучей и мокрой от слёз тоски зелёной.

– Так дело не пойдёт! Слезами делу не поможешь. На ночь лягу на Денискину кровать, и выплюсь, как следует. Завтра выходной. Пора стряхнуть с себя это наваждение.

Так она и сделала – положила Дениса на свою кровать, а сама легла в его комнату, и сразу провалилась в сон, успев подумать, какая она всё-таки, молодец.

Утром её разбудил Денискин крик:

– Мама, вставай скорей, папа приехал!

Сначала она подумала, что ей снится сон. Но когда она открыла глаза, и увидела у кровати Пашу, она вскочила, и сразу попала в его объятия. А он, целуя и прижимая её сонную и горячую со сна, всё повторял:

– Почему ты не отвечала на мои звонки? Я уж не знал, что и думать, перепугался за тебя, Галочка моя! Ты выйдешь за меня замуж?

– Я подумаю. А где же Илона?

И тут они услышали диалог из прихожей:

– Почему ты называешь моего папу папой? Это мой папа, а не твой.

– Сначала он был твой, потом стал мой, а теперь он будет и твой и мой. А ты будешь моей сестрёнкой. Я старше тебя на 3 года, поэтому буду тебя защищать.

– Меня не надо защищать, я сама умею драться и царапаться. Если ты забираешь у меня половину папы, значит, половина твоей мамы будет моя?

– Они же не яблоки, чтобы делить их на половинки. Просто у нас с тобой будут мама и папа.

– Но твоя мама мне не родная, а мой папа тебе не родной.

– Если он хороший и мамин муж, значит родной.

– А твоя мама хорошая и добрая? А то у меня была шалава необразованная, так дядя Вася говорил. Она материлась и дралась, как дикая кошка, это тоже дядя Вася говорил.

– Наша мама, самая добрая и лучшая на свете, и она будет папина жена, а он будет мамин муж. А мы с тобой будем брат с сестрой.

– Ну, вот, дети за нас всё и решили, придётся мне стать мамой двоих детей и самой лучшей на свете.

– Трёх детей – должны же мы скрепить наш брак, как, и должно быть, у молодожёнов. Я так понял, что у тебя сегодня выходной. Покорми нас, и пойдём все вместе покупать компьютер – без интернета в этой жизни и шага не ступишь.

Пока Галя собирала на стол, дети забрались с ногами в кресло и, сидя рядышком, смотрели мультик по планшету. Паша, стоя под горячим душем, и мысленно рассуждал:

– Видимо мои гены тоже не пропали даром, и Илона в нормальной семейной обстановке выправится. Но характер у неё независимый и решительный – это факт, и его придётся учитывать. А, Денис-то, какой молодец – быстро всё разложил по полочкам и решил все проблемы. А мы-то думали, что, да как?

Вечером пришёл домой Гена, увидев новосёлов, он воскликнул:

– О, в нашем полку прибыло! Привет, братан! А это моя племянница Илона? Давай пять, племяшка! Приглашаю вас всех на нашу свадьбу 18 января. Сначала во дворце бракосочетаний, потом в ресторане. Так решил мой тесть, он у меня капитан дальнего плавания на пенсии, а тёща – филолог, преподаёт в институте. Дашка моя заканчивает физмат. Но это не главное. Вроде тесть намекал, что к свадьбе подарит нам квартиру – вот это главное, а то у нас тут, как в муравейнике.

– Главное не квартира, а ваша любовь, дурачок ты мой, – говорила Галя, обнимая братишку, – поздравляем тебя! Но и квартира не помешает. На свадьбу обязательно придём. У нас тоже 24 января регистрация, приглашаем вас с Дашей.

Галя решила, что Дениса официально усыновлять они не будут. Она не могла допустить, чтобы след её Андрея затерялся в этом мире. Он отец Дениса, им он и останется.

Вот так закончилась эта житейская история. Жизнь прожить – пуд соли съесть. Всё будет в жизни этой пары. Будут поначалу трения по типу: твой Денис... или твоя Илона... пока не осознают понятия: наш Денис и наша Илона. Галя, не привыкшая к такой большой семье, может быть в душе и будет сожалеть, что взвалила на себя такое бремя. Но любовь возьмёт верх, и всё у них в семье притрётся, утрясётся и уладится, иначе и быть не может, когда супруги любят и друг друга, и детей. Счастья вам, люди добрые!

КРУТЫЕ ГОРКИ БЫТИЯ

Утро выдалось совсем никудышное: собралась зубы почистить – оказалось – паста закончилась. Глазунья на завтрак пережарилась. Хмурый и не довольный муж вяло ковырял засохшее, как подмётка яйцо, потом, молча, бросил вилку, выпил растворимую кофейную бурду и ушёл на работу, хлопнув дверью.

Катя опустила на стул и заплакала. Дело было совсем не в яичнице, просто последнее время всё у неё из рук валилось. А всё потому, что не ладилась у них с мужем жизнь. Совсем чужими стали они с Сергеем. Ни её домой ноги не несут, ни его туда не тянет. Стали они искать развлечений на стороне. Она после работы то к подруге, то в бассейн идёт, то на йогу. Он с приятелями то в спортбаре сидит, то все выходные на рыбалке проводит, правда рыбу приносит только изредка. Так и живут каждый сам по себе. А ведь прожили они ни мало, ни много – 21 год. И как всё хорошо начиналось. Иногда, в бессонные ночи, она перебирала события их прежней жизни. Женились по любви, ей 20 лет, ему 24. Он армию отслужил, институт окончил. Направили его на работу в небольшой уральский город. Здесь они и познакомились, а потом и поженились. Катя окончила медучилище и стала фельдшером. Ей от бабушки по наследству осталась маленькая квартирka в хрущёвке, а молодые и этому были рады – всё им было нипочём. А какой Серёжка шустрый был. Бывало, вечером она читает книжку в постели, а он выйдет из ванны, и с разбегу запрыгнет к ней в кровать, она ахнет от неожиданности и, хохоча, начнёт отбиваться от его ласк, а он, такой желанный и сильный быстро преодолевал её сопротивление, да и она только делала вид, что недовольна. Вырастили они сына и дочь. Сын Виталька окончил металлургический техникум и работал в городе Тольятти. Дочка Вика выучилась на флориста и укатила с подружкой в Москву. Там они сняли комнату, нашли работу и вполне довольны жизнью. Вроде бы, что ещё надо – живи и радуйся. И не старые они с мужем, ещё полны сил. Ан, нет! Пока дети росли, она как-то не замечала холодности и равнодушия мужа, а может, не хотела замечать, а может, этого тогда и не было. Она всегда гордилась своим мужем. Высокий брюнет, не красавец, но и не урод, не пьющий и не курящий. А отрицательных эмоций ей и с детьми хватало. А когда детки упорхнули из их гнезда, стало ясно, что только присутствие детей и скрепляло их брак. Когда супруги общались друг с другом, между ними всегда были дети с их неистощимыми проблемами. Выяснилось, что и поговорить-то им с Сергеем стало не о чем, а с детьми они общались через интернет. Что-то нарушилось в их отношениях, всё стало по-другому. Вечером поужинают – и каждый в свой угол. Квартира у них к этому времени уже была 3-х комнатная, два телевизора, 2 компьютера. Он смотрит свою передачу, она свою. Спят, как брат с сестрой, только изредка вспоминают, что они супруги. А с недавнего времени он всё чаще стал засыпать у своего телевизора, и на супружеском ложе она спала одна. Катя понимала, что он скучает по детям, их он любил, несомненно. «Так ведь и я люблю детей, но они выросли, и у них теперь своя жизнь, а меня-то кто будет любить?», – думала она. Катя и не подозревала, что это ситуация, в которой оказываются многие супруги среднего возраста. Разве могла она представить себе, что с отъездом детей их с Сергеем жизнь так изменится. Ведь чаще всего мысли о будущем не особенно беспокоят обычного человека. Он просто живёт, заботясь о насущном. «Эгоист несчастный, смотрит на меня как на прислугу. Подумаешь, яйцо пережарила! Мог бы и сам пожарить, не ахти, какой фон-барон! Видит ведь, что я с утра до вечера кручусь, как белка». Она никогда не задумывалась, любит она мужа или нет, влюблённость первых супружеских лет прошла, и она жила с мужем, как все живут – по инерции. А теперь, когда эта инерция прервалась, и всё у них разладилось, то кто в этом виноват?» Женщина, осознавшая, что не любима более, чувствует себя не нужной и несчастной: «Господи! Куда бы от такой жизни деться? Были бы крылья, улетела бы, куда глаза глядят. Да куда полетишь, крылья-то подрезаны – дети может скоро внуков заведут, да и мне уже

41 год. Ладно уж, надо на работу собираться». Работала Катя старшей медсестрой кардиологии в городской больнице.

А Сергей, сидя в своей машине, раздражённо думал: «Вот, растяпа! Яйцо не может пожарить, на меня, как на пустое место смотрит. Вечерами вечно дома нет – то бассейн ей понадобился, то ещё смешнее – на йогу ходит. Сама скоро на бабу Йогу походить будет, а туда же! Дети дома были, так не до этих глупостей было. Раньше так хорошо готовила, а сейчас всё на скорую руку. Скоро, как в том анекдоте, буду просить: мне бы супчику. Если так и дальше пойдёт... Надо что-то менять». Мужчины, точно так же, как и женщины, следуют голосу сердца чаще, чем голосу разума.

На работе у Кати всё шло вкривь и вкось. Это был явно не её день. То молоденькая санитарка повезла старушку на процедуры, и на повороте заложила такой крутой вираж, что бедная старушка выпала из коляски, и лежала на полу, громко охая и проклиная всех медиков. Пришлось вколоть ей успокоительное. Ладно, хоть не сломала ничего. В мужской палате она обнаружила, что старик Колосов после инфаркта не желает пить таблетки, и прячет их под подушку: « Не буду я пить ваши таблетки, все болезни от них и есть, химия одна. Моя старуха всё говорила мне, пей да пей таблетки-то. Я и пил, как дурак. Вот и допился до инфаркта. И где теперь моя старуха? На том свете оказалась с таблетками-то, одного меня оставила. А я ещё пожить хочу». Были и другие проблемы. Но в конце смены её вызвала заведующая отделением и обрадовала: «Слушай, Катя, на наше отделение выделили бесплатную путёвку на курорт в Кисловодск на 18 дней, поедешь?» Катя, которая в этот день не ждала от жизни ничего хорошего, просто не находила слов от радости. Она тупо уставилась на начальницу и молча кивала головой, как китайский болванчик, выражая своё согласие. «Ну, вот и ладненько. Путёвка горящая, курортную карту заполнять некогда, сходи в терапию, там тебе нацарапают медкомиссию. Заказывай билеты туда и обратно и в путь, счастливо отдохнуть. Выезжаешь завтра вечером. Дела передашь Анисимовой. Всё, мне некогда, вопросы есть?» Вопросов не было, был восторг.

Придя домой, она начала лихорадочно собираться. На дворе весна, а на Урале ещё холодина, приходится носить демисезонную одежду и тёплую обувь. А в Кисловодске давно теплынь. Так в чём же ехать? И что брать с собой? Голова кругом. Одно греет душу – она считала, что на дорогу туда и обратно 6 дней, да 18 в санатории, получился приятный баланс – целых 24 дня она не будет видеть Серёжкину хмурую физиономию. Настроение сразу повысилось градуса на 4. Когда вечером муж пришёл с работы, она накормила его вполне достойным ужином – котлетами с гречей и грибным соусом, – всё, как он любит. Сев за стол и учуяв приятный запах, он спросил: «По какому поводу праздник?» Она улыбнулась и весело пропела: «Уезжаю я, мой милый, по путёвке в Кисловодск. Отдохнёшь от меня целых 24 дня». Он посмотрел на неё и проворчал: « Ну, что ж, рад за тебя, счастливо отдохнуть. Может, найдёшь кого-нибудь поинтереснее, а то на меня-то ты совсем перестала обращать внимание». Она, аж задохнулась от такой несправедливости, но ответила только: «Ну, уж как получится», и ушла в свой угол. У него от такого ответа тоже пропал аппетит, но он дожевал свои котлеты и тоже поплёлся к себе в комнату. Утром он спросил: «Когда ты уезжаешь?» – «Сегодня вечером» – «Когда приедешь?» – она назвала ему дату. На том и расстались – Сергей уехал на работу. Он работал главным механиком в городском автотранспортном предприятии. Решив не портить себе настроение, ведь отпуск уже начался, она начала собирать чемодан. Вещей много брать не стала, на процедуры ходить хватит спортивного костюма и пары футболок, ну и две-три одежки для столовой и прогулок по городу. Получилось совсем не много и сумка не слишком тяжёлая. Оставшееся время было потрачено на приведение себя в порядок – сбегала в парикмахерскую – постриглась, сделала маникюр, подправила брови, купила себе приличную помаду – не каждый день в отпуск едешь, да ещё в Кисловодск.

Ну, вот! Пора ехать на вокзал, а Сергея всё нет, но через минуту он позвонил и сказал, что проводить её не сможет – совещание у директора. Ну, и ладно, подумала Катя, так даже лучше, и вызвала такси.

Судьба это неизбежные последствия своих собственных действий, поэтому от неё нельзя уйти. Одно единственное событие может разбудить в нас совершенно неизвестного нам человека.

Фаталисты утверждают, что каждый человек встречает на своём пути того, кого должен встретить. Что нет в жизни ничего случайного, всё закономерно.

Народа в купейном вагоне было не много, сезон отпусков ещё не наступил. Заняв своё место, Катя вышла в коридор, постоять у окна. Вскоре к ней присоединился мужчина лет пятидесяти из соседнего купе. И надо же быть такому совпадению – Владимир Иванович тоже ехал в Кисловодск и его санаторий был рядом с Катиним. Разговорились. Он металлург, начальник мартеновского цеха, живёт на Уралмаше в двушке, холост, любит кино и спорт. Рядом с ними у окна встал ещё один сосед: «На курорт едете? Это хорошо. Желая вам хорошо отдохнуть, да смотрите, чтобы путёвка «не сгорела», и, смеясь, рассказал анекдот: мужик из колхоза приехал впервые в жизни на курорт, пришёл в столовую. Увидел, что контингент – в основном женщины и воскликнул: «Председатель-то наш говорил, что отдохну я на курорте, а здесь работы – непочатый край!» Потом спросил: «Как же Вас, такую красавицу, муж одну отпустил?» – «А что со мной может случиться? Волки и бродячие собаки в Кисловодске не водятся» – улыбнулась она. Катя не была красавицей – довольно высокая блондинка с приятным лицом, обаятельной улыбкой и ещё не оплывшей фигурой, поэтому она подумала: «Грубая лесть, и льстят только тому, кого хотят обмануть, но всё равно приятно». А сосед, глянув на Владимира Ивановича, пожал плечами и, улыбнувшись в ответ, сказал: «Всякое бывает». Пора было укладываться спать. Утром Катя позавтракала вместе с соседями по купе, а на обед Владимир Иванович пригласил её в ресторан.

Чем дальше на юг они ехали, тем приятнее было смотреть в окно. Сороки и галки суетились, строя гнёзда на деревьях вдоль дороги. В синем-синем просторе неба проплывали лёгкие барашки облаков, ярко светило и хорошо пригревало солнце, зеленели деревья. На остановках продавали первые цветы, и её галантный кавалер подарил ей букетик тюльпанов. Она уже и не помнила, когда ей последний раз дарили цветы. Люди были одеты по-летнему. Катя, глядя на эту красоту, подумала: «Вот где я хотела бы жить». В общем, доехали весело. Настроение было на уровне, отпуск начинался хорошо. В Кисловодск, приехали утром, и разошлись по своим санаториям. Пока прошли регистрацию и размещение, на завтрак они не успели. Катя решила прогуляться и где-нибудь перекусить до обеда. Выйдя из отеля, она обнаружила своего попутчика и спросила: «Вы кого-то ждёте, встретили здесь знакомых?» – «Да, я жду Вас, ведь Вы тоже не позавтракали. Приглашаю Вас присоединиться ко мне». Вот так и закрутился у них роман, даже не роман, а скорее приятельские отношения. Катя не считала, что изменяет мужу, ведь между ней и Владимиром Ивановичем ничего такого не было – пока. «Катя, Вы не могли бы называть меня просто по имени, я не совсем уж старик», – улыбаясь, попросил он и она согласилась. Он был прекрасный кавалер, приветливый и внимательный. Они проводили вместе всё свободное от процедур время – много гуляли, вели бесконечные беседы о жизни, о супружестве. Володя как-то сказал, что хорошая семья – та, в которой муж и жена днём забывают о том, что они любовники, а ночью – о том, что они супруги, и ведут себя как любовники. Он был хорошим собеседником. «Какой же он симпатичный и умный» – думала Катя. Не секрет, что, даже женщина, довольная своим замужеством, всегда с удовольствием замечает, что есть на свете мужчины, которые хотели бы видеть её незамужней. А Катя, последнее время, не была довольна своим замужеством, и внимание такого человека, как Володя, льстило ей. Когда Катя рассказала о неладах в её семье, Владимир заметил: «Супруги должны воздерживать»

ваться от ссор, если они любят друг друга не так сильно, чтобы помириться, а не заикливаться на взаимных обидах». – «Как это верно!» – решила она.

Однажды они приехали в Пятигорск, посетили Лермонтовские места и зашли на огромный вещевой рынок. Там Катя купила себе босоножки и платье – ей хотелось быть красивой, а, если говорить честно, понравиться Володе. Он не мог не понравиться ей, да и атмосфера праздного существования располагала к романтическим отношениям. Надев новое платье, Катя вышла из примерочной. Она поймала восхищённый взгляд Владимира и сердце её ёкнуло. Она сразу вспомнила своего Сергея – он уже давно не замечал, как она выглядит, во что она одета. После стольких лет брака муж её научился смотреть на неё и не видеть, слушать, что она говорит и не слышать. Зато Катя могла видеть мужа насквозь, даже не взглянув на него. Ей казалось, что он скоро вообще не будет воспринимать её как женщину. Она всё время сравнивала своего Сергея с Владимиром Ивановичем, и сравнение это было не в пользу мужа. Как всё-таки приятно, когда на тебя вот так смотрит мужчина, который тебе нравится. Вечером они решили погулять в курортном парке. Катя надела новое платье и босоножки на маленьком каблукке – она была чуть выше своего кавалера. Стояла чудесная погода, не слишком яркое освещение улиц, создавало романтическую обстановку. Запах цветов, яркие звёзды, тихая музыка, интересный мужчина рядом – что ещё надо для праздного времяпрепровождения! Катя чувствовала себя молодой, красивой и счастливой. Отошли в прошлое обиды на мужа и свою жизнь, она ему ни разу не позвонила, но его звонка ждала, да не дождалась. Но не сильно расстроилась. «Буду, отдыхать и лечиться», – решила она. Позвонила пару раз детям, убедилась, что у них всё хорошо и успокоилась.

Хорошо они гуляли, но Катя так натёрла ноги новыми босоножками, что и шагу больше не могла ступить. Сели на скамейку. «Ну-ка, покажите, что у Вас с ногами. Ой-ё-ёй! Что же Вы раньше не сказали? Снимайте босоножки, я их Вам разношу». Катя не поверила своим ушам: «Вы хотите надеть мои босоножки?» – «Ну, да, что же тут особенного? Вы моя дама и я должен Вас оберегать. А размер, судя по всему, у нас одинаковый, 40-ой». И он надел Кате свои разношенные штилеты, а сам натянул её босоножки, ступни у него оказались не широкими и без деформации, поэтому Катины босоножки пришлись ему как раз. А каблук уравнивал их в росте, но всё это было так неожиданно и непривычно, что Катя смутилась. Она представила своего мужа и решила, что он на такое самопожертвование не способен. Так они и гуляли. Встречные пары с улыбкой смотрели на их обувь, но для неё и Владимира Ивановича это было не важно. Время их отдыха на курорте подходило к концу, но об этом не хотелось думать. На следующий день они сходили на ужин в ресторан. Он пригласил её на танец. Она посоветовала, что не очень хорошо танцует, на что он возразил: «Да я тоже плохо танцую. А знаете, как в математике: плохо плюс плохо в итоге – хорошо». Она улыбнулась и положила руку на его плечо. В этот вечер он поцеловал её. Ничего особенно она не ощутила, но была довольна – вся окружающая обстановка располагала к этому, было бы странно, если бы он этого не сделал. Володя жил в одноместном номере, и он пригласил Катю попить кофейку. Он ни на чём не настаивал, просто Катя сама искала приключений. В эту ночь они стали любовниками. Ничего не изменилось в их отношениях, он по-прежнему был заботлив и внимателен, и она подумала, что, возможно, он в неё влюблён. В себе она кроме благодарности к нему ничего не ощущала. За 2 дня до отъезда она спросила, собирается ли он жениться, разве он не боится одинокой старости? Он ответил, что до старости ему далеко, и он не встретил пока женщину, с которой бы захотел связать свою жизнь. Тогда она спросила: «А меня ты любишь?» – «Конечно, люблю, я вообще всех женщин люблю, и с удовольствием за ними ухаживаю». – «А ты мог бы на мне жениться?» – «Никогда, моя красавица. Женщина, изменившая мужу один раз, изменит ещё не раз, всё зависит от условий, в которых она окажется, а эти сказки, про любовь – морковь я уже не раз слышал, да и в постели ты холодновата». Это было хуже пощёчины. Вот уж оплеуха, так оплеуха! Ей казалось, что мозг её взорвётся – такое предательство, как выстрел в спину.

Катю прямо затошнило от отвращения – и к себе, и к любовнику. Она встала и на ватных ногах пошла к себе в номер. Больше она его не видела, домой добралась, как во сне. «Какая же я дура! На кого я променяла своего мужа – на опытного ловеласа. Так мне и надо». В душе было мутно и темно, её мучило раскаяние и сожаление, но, ничего уже было не исправить. Она забыла, как была ему благодарна, и ей не приходило в голову, что её история банальна, потому, что, банальной она бывает – пока не коснётся тебя лично.

Муж встретил её холодно, поцеловал в лоб, как на похоронах. Проклятая бесстрастная маска, которую он постоянно натягивал последнее время себе на лицо, выбивала её из колеи. Она молчала. Дома всё было, как всегда – разошлись по своим норам. На следующий день встретила соседку и она нашептала: «Приходила к нему деваха, наглая такая. Пришла вечером, ушла утром – и не один раз. Не оставляй его одного в другой раз. Мужики-то они такие!» «Да и мы не лучше. Легко хранить верность, когда никто не обращает на тебя внимание. Правильно Володя сказал, что всё зависит от обстоятельств, в которые мы попадаем и оттого, чего нам катастрофически не хватает дома», – думала Катя. Катя ничего не сказала мужу, но поняла, что было у них плохо, а будет ещё хуже. Стена непонимания давила на них, и они ощущали её почти физически. Возвращаясь с работы, Катя думала: «Не хочу я продолжать эту молчаливую пытку. Уеду я, куда глаза глядят». Вечером сказала об этом Володе, он поднял на неё глаза и спросил: «К любовнику поедешь?» – «С чего ты взял?» – «Да вижу я, не слепой, тебя, как подменили» – «Тебя тоже подменили, и это всегда будет стоять между нами». Потом, сама не зная почему, решила рассказать ему, что с ней произошло в Кисловодске. Мы не знаем и сотой доли того, что может заставить нас делать обида и страсть. Вспомнив о том унижении, которое она пережила, она упала на стул, низко опустив голову, и, захлёбываясь слезами, сбивчиво, с повторениями, по сто раз цепляясь за одну и ту же фразу, начала оправдываться. Глаза её искали его взгляда, но он слушал, не перебивая, ни разу не взглянув на неё. «Я это и без твоих признаний сразу понял», – бросил он и ушёл. Теперь, когда он всё знает, я ему стала совсем не нужна, думала Катя. Недаром говорят – «труднее всего нести крест, который на тебе поставили», но ей стало легче – то, что с ней произошло на курорте, не давило на неё больше.

На работе её отговаривали, приводили разные примеры, но она никого не хотела слушать. Она знала, что не передумает, ей казалось, что какая-то неведомая сила вырвала её из обжитой и привычной обстановки и повлекла в неведомую даль, что так нужно и так будет лучше для неё и Сергея. О нём она думала мало, это было больно – перебирать в памяти все обиды. Теперь ей уже казалось, что это именно он, её муж, своим равнодушием толкнул её в объятия любовника.

Выйдя на улицу, Сергей быстро пошёл в сторону парка. Мысли его перепрыгивали с одного на другое, мозг был взбудоражен, и он не в силах был сосредоточиться. Сунув руки в карманы, он сжимал их в кулаки. Ревность ослепила его, лишила разума. Он и не вспомнил о том, что сам был виноват перед ней. Ещё совсем недавно ему казалось, что он не любит её так, как любил в молодости, просто жизнь их ровно катилась по накатанной дорожке. Но теперь, когда она принадлежала другому, она стала в его глазах самой желанной, почти насильно обманутой. Он ненавидел и любил её. Это было сродни страсти, мучительной и нетерпеливой, выедающей душу. Он думал о ней, как о своей собственности, и это казалось совершенно естественным. Она всегда принадлежала ему и не могла принадлежать никому другому. Чаще всего человек откровенен только тогда, когда он раздосадован или взбешён, но ему это сейчас не пришло в голову. Сергей сел на сырую и холодную скамейку в парке. Сидел долго, пока не замёрз. После взрыва эмоций он уже вполне овладел собой и решил не удерживать жену, пусть едет. Вряд ли она долго проживёт в одиночестве, она во всём привыкла опираться на его плечо, да и в материальном смысле – на её зарплату медика трудно прожить без поддержки. Когда поздно вечером он вернулся домой, Кати уже не было. «Может, к подружке ушла?» – с надеждой подумал он. В доме царил гнетущая вязкая тишина, как будто рядом был тяжело

больной человек. Эта тишина давила на виски, заставляя быстрее биться его сердце. Он понял – они оба, он и Катя, перешли в новую фазу жизни, и эти перемены не сулили им пока ничего хорошего. У него было странное ощущение, будто из-под ног его ушла почва и он, как дерево, опустошённое и лишённое корней, безвольно течёт по течению. Ушла куда-то даже злость, бурлившая в нём, и на смену ей пришла пустота и усталость.

Наутро, после бессонной ночи, Сергей наскоро сочинил себе завтрак и отправился на работу. Он убедился, что Катя уехала. Это означало для него утрату почти всего, что представляло для него жизненный интерес. Он пока не представлял себе другой жизни, был пока не готов к этому. Им обоим предстояло найти себя в новой реальности.

«Для человека, который не знает, к какой гавани он направляется, ни один ветер не будет попутным». (Сенека). С другой стороны, удача приходит к тем, кто не боится испытаний. Катя где-то читала, что надо уметь переносить то, чего нельзя избежать. Она была готова начать новую жизнь, боясь только одного – что дети не поймут её и встанут на сторону отца, ведь она ушла из дома, а он остался в одиночестве. Дети, как правило, не вникают в проблемы родителей, пока эти проблемы не коснутся их самих, у них полно своих забот, и разрыв между родителями может стать для них полной неожиданностью, неприятным сюрпризом. Дети любят и отца и мать, и осудят того, кто первым нарушил устои семьи. «Ничего, объясню им, как сумею, не поймут теперь, поймут позже» – решила Катя.

Решение принято. Ей предстояло вступить в новую жизнь, не похожую, на прежнюю. И это был волнующий момент. Что ни говори, а переезд – это переход из одного мира в другой.

Катя ехала в Саратов. Ей было всё равно куда ехать, но об этом городе она знала со слов одной из медсестёр в больнице, та была родом из Саратова. Всю дорогу Катя ждала, что Сергей позвонит ей. Она готова была вернуться назад, если он позовёт, но он не позвонил.

Поезд в Саратов, южный город на Волге, прибыл ночью. Устроившись в гостиницу при вокзале, Катя провела беспокойную ночь. Как-то всё у неё устроится на новом месте? Думала она и о Сергее и о детях. 21 год их совместной жизни из памяти не выбросишь – так сразу, как сим – карту из телефона, которую она выбросила, приехав в Саратов.

Утром пошла в городской департамент здравоохранения. Посмотрев Катины документы, ей сказали, что медики, да ещё с таким опытом работы, им нужны. Спросили, где бы она хотела работать – в городе или в селе? Она решила пожить в селе. Её направили в самый южный и отдалённый Ровенский район. Там требовался фельдшер для работы в сельском ФАПе – фельдшерско-акушерском пункте. Жильё предоставлялось. Уточнив, что Катя поедет в село утром автобусом, начальник отдела кадров обещала позвонить в сельский совет, чтобы Катю там встретили и устроили. Остаток дня Катя посвятила беглому осмотру города, дав себе слово при первой возможности познакомиться с ним поближе.

Сидя в автобусе, она с удовольствием смотрела в окно. На Урале ещё была весна, а здесь уже было лето. Вдоль дороги пирамидальные тополя, словно перевёрнутые веники, сопровождали автобус. А в промежутках раскинулись поля, зеленея всходами. Солнце заливало всё кругом ярким золотистым светом, освещая и яркое синее небо и землю. «Неужели я теперь всегда буду здесь жить?» – думала Катя. Она ещё не до конца осознала, на что она решилась. Но, вдруг, ей захотелось горько, навзрыд заплакать. У неё неожиданно появилось чувство невосполнимой утраты и сожаления. Но её окружали не знакомые люди, которые определили Катю, как не местную. Она сдержалась, но на сердце стало тяжело, и она, перестав смотреть в окно, закрыла глаза.

В селе её встретила молоденькая секретарь поссовета: « Я Нина Иванова, а Вы Екатерина Вадимовна. Я сразу узнала Вас, Вы от всех отличаетесь, сразу видно, городская. Мы так рады, что Вы согласились к нам приехать. Наши жители намучались без фельдшера, за всякой ерундой надо ехать в районный центр. Только в ФАПе работает одна пожилая медсестра и там Вам придётся навести порядок. Квартира фельдшера пока занята, там живёт Ваша предшествен-

ница, уехать ей некуда. Мы можем поселить Вас к нашей учительнице, Лидии Петровне. Она тоже на пенсии. У неё большой дом, она живёт одна и будет рада сдать Вам любую из комнат. Платить за комнату будет сельский совет. Но, если вы будете настаивать, чтобы Вам освободили квартиру фельдшера, мы что-нибудь придумаем. А Вы к нам на совсем приехали?» – выпалила она одним духом. Обалдевшая Катя смотрела на неё, молча, пытаясь разжевать и проглотить всё, что сообщила ей Нина. Потом ответила: «Настаивать не собираюсь, пойдёмте к Лидии Петровне, а потом в ФАП».

Дом и правда, был большой и светлый, с просторными окнами, не типичными для русской деревни. Высокое чистое крыльцо с резными перильцами. И сама хозяйка этого дома была не совсем деревенской. В самой большой комнате – обширная библиотека, кладёзь мудрости – Кате это сразу понравилось. Поразил её и закрытый со всех сторон двор, обрамлённый плодовыми деревьями и ягодными кустами. А, главное, обилием цветов. Двор выглядел ухоженным гнёздышком, и его не хотелось покидать. Речка Медведица была совсем близко от дома, и находясь во дворе, можно было услышать мягкий шум бегущей воды.

Работы было много, так много, что домой приходила уставшая и не способная ещё что-либо делать. Выручала Лидия Петровна, и как же Катя была ей благодарна. Замечательная была женщина. Она рассказала, что до замужества жила в Ростове, окончила пединститут, там же познакомилась со своим будущим мужем. После свадьбы они приехали в Саратовскую область, сюда мужа направили на работу. Типичная сельская учительница – в школе строгая и требовательная – Учитель с большой буквы, а дома – как все сельские жители с их заботами: уход за огородом, небольшим садом, курами и мини поросёнком чёрного цвета – вьетнамцем. Иначе в селе не проживёшь. Зарплата мизер, да и в райцентр не наездишься. С самого первого дня Лидия Петровна установила над Катей опеку: кормила – поила, ничего делать не давала, особенно на первых порах, пока Катя не втянулась в местные условия и свою новую работу. Комнату Катя выбрала окнами в сад и цветник. Впрочем, цветы на подворье были везде. Не смотря на разницу в возрасте, они очень скоро почувствовали себя подругами.

В выходной день Катя проснулась рано. Близился восход солнца. Свет восходящего солнца хлынул в спальню, и на стенах, и на потолке, словно заплескалась дрожащая золотая вода. У Кати перехватило дыхание от этой неожиданной прелести раннего утра. Насмотревшись на это чудо, Катя спрыгнула с высокой кровати, вышла на крыльцо и села на гладкие, выскобленные до блеска, прохладные доски. Здесь была красота, сотканная из уединённости личного двора, не замутнённого синего неба, обилия ярких цветов и ласкового солнца. После благоустроенного муравейника этот двор был словно кусочек рая.

Завтрак был уже на столе. Она давно отвыкла от такой заботы. Она рано лишилась матери, и теперь ей казалось, что она снова обрела мать. Позавтракав, Катя пошла на речку. С обрывистого песчаного берега к воде вела узенькая тропинка. У берега плавала ряска – речку никто не чистил, но на глубине вода была чистая и прохладная. Выйдя из воды, она прилегла на солнышке и задумалась. Она скучала и по мужу и по детям, и очень рассчитывала, что сын или дочь приедут к ней летом в отпуск. Но Вика сообщила, что она познакомилась с парнем и они поедут с ним в Египет. Виталику отпуск летом не дали, а дальше видно будет. Стоит ли сожалеть о невозможном? Отогнав от себя эти невесёлые мысли, Катя стала вспоминать, как она начинала работать в ФАПе, и невольно улыбнулась. Чем только ей не приходилось заниматься! Она и сама удивлялась, как это у неё получалось справляться со всеми проблемами: и роды принимать преждевременные, и уколы ставить и капельницы, и травмы залечивать, и простуду лечить, и много ещё чего. Село – не город, здесь каждый человек как под рентгеном, и ему определяется та цена, которую он заслужил – точная и безошибочная. А фельдшер в селе – больше, чем врач, он и друг, и советчик, хорошо знающий каждого больного. Оказалось, что Катя хороший диагност. Она ни разу не ошиблась, направляя пациентов к узким специалистам, и это повысило ещё больше её авторитет среди местных жителей. Теперь жители

этого большого села её знали и называли только по имени и отчеству. Сказались всё-таки 20 лет работы в хорошей больнице рядом с опытными врачами.

А мудрая Лидия Петровна оказывала на Катю сильное влияние. Вечером они сидели рядом на своём крыльчке и вели неспешную беседу. Солнце уже стояло за горизонтом. С каждой минутой тени становились всё длиннее, что придавало их садику особую красоту. Кусты роз благоухали, готовясь к ночной прохладе. Вскоре их глазам предстал бархатный небосвод, густо усеянный яркими звёздами. В эти мгновения каждую из женщин не обременяли никакие заботы и суетные мысли, просто они ощущали тихое счастье бытия, не отдавая себе в этом отчёта.

Лидия Петровна тихо говорила: «Что есть сокровище для любого человека? В моём детстве – цветное стёклышко, жук необычной расцветки... В юности – дешёвенькая бижутерия, затем долгожданная книга, вещь, напоминающая о важном событии в жизни. Но, главное, воспоминания, идеалы. Всё это вместе со временем уходит в прошлое, как и вся прожитая жизнь. И наша жизнь изменилась, как меняется она от века и постоянно. Красное стёклышко из моего детства сменилось электронными игрушками. Дешёвая бижутерия в моей юности – мечтой о бриллиантовых украшениях, которые хочется получить любой ценой. Скучные новости из хрипчатой чёрной тарелки радио – девятым валом и полезной и отвратительной информации. Девичья скромность и стеснительность ушли в прошлое. На дворе уже 21 век, а сущность человека не меняется – человек никогда не бывает до конца доволен тем, что имеет. Он ценит что-либо, пока стремится к этому, короткое время упивается своим достижением, и быстро охладевает к предмету своей мечты. А есть и такая порода людей: как только какое-то их желание исполняется, они начинают желать, прямо противоположного. Ещё Бернард Шоу говорил, что в жизни есть две трагедии: одна – не добиться исполнения своего желания, вторая – добиться». Посидев ещё немного, обе женщины отправились спать – Кате завтра на работу.

А, между тем, Сергей чувствовал, что жизнь даётся ему всё с большим трудом. Он думал о Кате. Воображение никогда не устаёт воскрешать и приукрашивать некоторые моменты их отношений, которые не дают забыть эти отношения. Тяжелее всего было заставить себя делать хоть что-то. Он стоял у окна своей квартиры. Солнце ещё не село, но успело скрыться за край стены соседнего дома, и его лучи доставали площадку внутри двора. По-прежнему было светло, но уже отовсюду напоздали тени. Наконец, двор погрузился в голубоватый сумрак. А он всё стоял у окна, не в силах двинуться с места. Что же делать? Как жить дальше? Он усиленно размышлял над происшедшим, и постепенно неясные прежде мысли и чувства обретали чёткость.

После отъезда Кати он на какое-то время испытал облегчение. Но когда прошёл месяц, за ним другой, это облегчение сменилось тревогой – неужели их брак окончательно распался, и Катя окончательно ушла из его жизни. Тревога эта терзала душу, не давала расслабиться. Сергей не знал, чем разрядить это напряжение. Время текло медленно, усиливая пустоту. Он не мог больше оставаться один в своей квартире, и написал матери, попросив её приехать к нему. Мать его жила в небольшом шахтёрском городке на юге Челябинской области. Отец погиб в шахте, когда Серёже было 11 лет, а маме всего 30. Но она больше не вышла замуж и вырастила сына одна на мизерную зарплату бухгалтера. Сейчас ей было 64 года. Она примчалась по первому зову. Навела порядок в его холостяцкой квартире, пересмотрела его одежду и обувь, стала хорошо кормить его. И всё это тихо, не навязчиво, как и всегда. В день своего приезда она спросила сына: «Чем же ты так обидел Катю, сынок, что она умчалась от тебя, сломя голову?» – «Да ничем я её не обидел, и не ссорились мы, а когда дети выросли и разъехались, мы стали словно чужие. Почему? Не могу представить. Вроде, всё было, как при них, а жизнь совсем разладилась». – «А я-то думала, что живёте вы душа в душу, деток растите. Катя и мать, и хозяйка хорошая. Таких ещё поискать. Посмотришь, какие жёны – то сейчас пошли... да и мужья не лучше. Что же ты думаешь делать, сынок? Или на другой жениться

задумал? Так и скажи, я тогда домой поеду, меня там подруги закадычные в совете ветеранов заждались».

Отчаявшись найти выход из создавшегося положения, Сергей решил позвонить Кате, или найти её и начать всё сначала. Но на тот момент Катя уже выбросила старую симку. А тут ещё Вика позвонила: «Папа, когда же вы помиритесь с мамой? Мы с Виталькой любим вас обоих, но когда мама позвонила нам, чтобы мы приехали к ней летом, мы, чтобы тебя не обидеть наврали ей, что Витальке не дали отпуск летом, а я сказала, что еду с парнем в Египет. А теперь совесть мучает. Не верим мы с Виталькой, что наша мама в чём-то виновата» – «Так ты знаешь, где мама находится?» – «Конечно! Теперь знаю». И она сообщила адрес Кати. Но он пока ни на что не мог решиться.

Его приятель пригласил Сергея на выходные порыбачить – в село, где у них с женой была дача на берегу лесной речушки. Жену приятеля он хорошо знал, она была филолог и преподавала в институте. Сергей согласился. Решили рыбачить ночью, с фонарями.

Они вышли за околицу, и тьма сразу поглотила их. Ночь была тихая, из дачного посёлка доносилась неясная смесь звуков. Предгрозовая дымка чуть затуманивала звёзды. Пару раз на горизонте сверкнула зарница. Луна давно зашла за тучи, и в этой темноте и затаившейся тишине лесок будто подступил ближе. Тьма окружила приятелей, как вода. Тишина теперь была полная, она заткнула им уши, точно вата, – не пискнула ни одна птица, молчали и собаки в посёлке. Они ощущали себя, как в вакууме. Кругом была непроницаемая тьма. Они включили фонари и сев в лодку, отплыли от берега, не слишком далеко – речка была не очень широкой. Приятель Сергея, Николай, был тучным мужчиной с большим животом. Небольшая лодчонка опасно раскачивалась, когда он вставал со скамейки. «Не перевернул бы он лодку, вода в реке ещё ледяная и до посёлка не близко». Ну, и как в воду глядел. Когда толстяк встал и потянулся, чтобы достать другую удочку, лодка перевернулась, и оба приятеля во всей амуниции ухнули в воду. Фонари, удочки и наживка – тоже соскользнули в воду. Вот голодная после зимы рыбёшка, набросилась, небось, на обильный ужин. Волна от их тел дошла до берега, вызвав переполох у прибрежной мелочи. Приятели даже не успели испугаться, а их уже потянуло на дно. Высокие и тяжёлые рыбацкие сапоги – бродни, не давали всплыть на поверхность, но зато ноги в них оставались сухими. Брезентовые плащи вздулись пузырями, затрудняя движения. А жить-то охота! И они боролись за жизнь, прилагая всю свою недожинную силушку, вспотев и не замечая, что ледяная вода уже забралась под рубашку. «Хватайся за лодку, Сергей, и толкай её к берегу» – орал один – «Да там же ни черта не видно. Где наш берег-то?» – орал другой. И тут послышался голос с берега: «Мужики, гребите сюда, я вас приму». Наконец, они оказались на берегу, и их молодецкий хохот был слышен даже в посёлке. Приятели от души радовались, что развязались с ледяной водой, и не утонули. Их спаситель оказался конюхом, который возил навоз с фермы на дачные участки. Он быстро довёз горе рыбаков – тут как раз и луна показалась из-за туч, ехать было хорошо, но навозом от них несло ещё долго. «Спасибо тебе, товарищ. Зайди до нас завтра, угостим водочкой» – поблагодарил Николай. Заслышав мужа, ещё издали, Людмила поняла, что, у её рыбаков получилась какая-то накладка, ведь они собирались вернуться утром с рыбой, а сейчас начало ночи. Спрыгнув с телеги, Николай возбуждённо заговорил: «Непруха, Люда, искупались мы в весенней водичке. Грей скорее воду в бане, да готовь всё сухое и крепкий чай». Людмила не стала тратить время на охи и расспросы, и через полчаса мощные тэны согрели и баню и воду, и всё остальное тоже было готово. Через час приятели вышли из бани красные, потные и довольные. На Сергея надели одежду приятеля, и его нелепый вид вызывал улыбку: штаны были коротки и широки, на животе их пришлось завязать шнурком, чтоб не падали. Настоящая разрядка наступила, когда приятели немного выпили коньяка и напились горячего чая с травками. Угомонились только утром и спали до обеда. Потом пришёл и их спаситель. Это была лохматая личность весьма оборванного вида, навсегда провонявшая навозом. Он ослабил в широкой улыбке ред-

кие, через один, жёлтые зубы, никогда не знавшие зубной щётки, и пробубнил: «Здрасте вам, пришёл узнать, как ваше здоровьице, не надо ли чего привезти или вывезти». Его ещё раз от души поблагодарили, дали денег на литр водки и батон колбасы. Он ушёл, довольный. Так закончились для приятелей выходные. «А если бы мы утонули, как бы к этому отнеслась Катя, может, и думать обо мне забыла» – подумал Сергей. Матери он ничего не рассказал, зачем зря беспокоить, посетовал только, что рыба не клевала.

И снова потянулись однообразные дни, так и лето прошло. А Сергей так и не мог ни на что решиться. В конце лета Николай с Людой пригласили его за грибами. Его мать обрадовалась: «Вот хорошо-то, привезёшь грибов, я их засушу и замариную. И с собой немного увезу. Домой я поеду, скучаю я, а скука, как плесень душу разъедает. А ты, Серёжа, должен прибиться к одному берегу – или Катю разыщи, и живите вместе, или возьми развод и снова женись. В 45 лет негоже жить одному. Я тоже тебе теперь не опора, укатали Сивку крутые горки, и я уже на седьмом десятке» – «Да, мама, ты права, будет у меня в декабре отпуск, и поеду я за Катей». Уверенности в том, что Катя захочет вернуться, не было, ведь она за всё время не дала о себе знать. Может она уже давно не одна, думал Сергей.

Грибники выехали рано, ещё солнце не взошло, ехать было не близко. К восходу были уже на месте. Был конец лета, ночью было уже прохладно, а днём тепло, а иногда и жарко. Пока Николай с Людой готовили перекус, Сергей отошёл к берёзкам. Ветер продувал рощу, он легко перебирал листочки на берёзах. В мире, казалось, нет других звуков, кроме сухого шелеста ветра. И вдруг небо в просвете между несущимися облаками стало красно-жёлтым, как зажжённый фонарь. Сергей, прищурясь, глядел перед собой, испытывая странное чувство нереальности – как будто всё это происходит во сне. Всё было странно, словно из другого мира. Казалось, знакомый мир сделался вдруг чужим. Вот бы Катя увидела эту красоту. Он давно не был в лесу, последний раз они с Катей ездили за ягодами летом прошлого года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.